

САМООБРАЗОВАНИЕ | SELF-EDUCATION

ВЫПУСК #14 СЕНТЯБРЬ 2006 NEWSPAPER OF THE PLATFORM "СНТО ДЕЛАТ/WHAT IS TO BE DONE?"
ГАЗЕТА ПЛАТФОРМЫ "ЧТО ДЕЛАТЬ?" ISSUE #14 SEPTEMBER 2006

ДМИТРИЙ ВИЛЕНСКИЙ DMITRY VILENSKY ЗАННИ БЕГГ ZANNY BEGG ФАТИМА
ФРЕЙРЕ FATIMA FREIRE КОНТРА ФИЛЕ CONTRA FILE БОЯНА ПИШКУР
BOJANA PISKUR ФАБРИКА НАЙДЕННЫХ ОДЕЖД FACTORY OF FOUND CLOTHES
МАРТА ГРЕГОРЧИЧ MARTA GREGORCIC ДАРИО АЗЕЛЛИНИ & ОЛИВЕР РЕССЛЕР
DARIO AZZELLINI & OLIVER RESSLER СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КОПЕНГАГЕН
COPENHAGEN FREE UNIVERSITY ГРУППА КЭТ THE CAT GROUP ДАВИД РИФФ
DAVID RIFF АЛИСЕ КРАЙШЕР & АНДРЕАС СИКМАНН ALICE CREISCHER &
ANDREAS SIEKMANN ДЖЕРОНИМО ФОСС JERONIMO VOSS МАРИОН ФОН
ОСТЕН MARION VON OSTEN ПЕТР БЫСТРОВ /ОБЩЕСТВО РАДЕК/ PYOTR
BYSTROV /RADEK COMMUNITY/ ETCETERA ТОМАС КЭМПБЕЛЛ THOMAS CAMPBELL
ABRIENDO CAMINOS

Стратегии Самообразования

Каким образом человек формирует среду своей жизни, какими критериями руководствуется в своем развитии? Каков потенциал самоорганизовывающихся структур и как они могут выстраивать свои отношения с уже сложившимися институтами власти? Способны ли они заменить традиционные формы образования, или, по крайней мере, оказывать давление на эти институты, вовлекая их в процесс (само)образования?

В последнее время мы наблюдаем кризис ценностей образования во всем мире. Знаковой приметой этого кризиса стал упадок теории и практики дисциплинарного гуманистического идеала образования, которое вменяло его обладателю не только осознание своих гражданских прав и обязанностей, но также давал средства для возможности мыслить изменения, подрывающие существующий порядок вещей. Воспитание солидарности, достоинства, понимания своего места в истории, способностей к участию в политической жизни уже не рассматриваются как необходимая часть любого образовательного процесса. Сегодня дисциплинарная автономия образования оказывается ненадежной гарантией его защиты от посягательств рынка, особенно в ситуации, когда подорвана ее основа – бесплатность, обеспеченная государственным финансированием. Образование все больше становится инструментом политики корпораций и рынка, заинтересованных только в получении рентабельной и послушной рабочей силы. Эта сервильность образования представляет угрозу творческому и живому развитию общества. Противостоять этому мы можем путем распространения и производства альтернативных форм знания, продолжающих и развивающих освободительные традиции разных образовательных практик, задействуя потенциал новой композиции производительных сил общества.

Эти тенденции находят свое отражение и в современном искусстве. Мы видим их на все более многочисленных примерах отказа от мифологизации и товарного фетишизма, построения моделей вне-иерархических коллективов и стремления строить свою практику на основе различных методов активистских исследований. Новые «субъекты несогласия» в искусстве и культуре стремятся избегать институционализации и проводят эксперименты со свободным распространением произведенных ими (контр)знаний. Они отказываются от роли отчуждающего посредника между культурой и публикой и стремятся создавать «пространства участия». В этом смысле, множество проектов в современном искусстве обладают неотчуждаемой самообразовательной ценностью и являются реальной альтернативой доминирующим школам и академиям.

Практики самообразования всегда были необычайно важны в России. Например, роман Чернышевского «Что делать?» (1863) - блестящий и не теряющий актуальности образец популяризации моделей самообразовательных кружков. В этих конфиденциальных кружках, находящихся на полуправильном положении и в оппозиции к официальным институтам власти, во многом сформировались наиболее яркие явления российской мысли и культуры. Несмотря на маргинальное положение, в свое время именно они одержали историческую победу над монструозными и репрессивными структурами. Их опыт вдохновляет нас и сегодня, когда мы заново востребуем самообразовательные практики.

От редакции газеты «Что Делать?»

Strategies in Self-Education

How do people shape their surroundings? Which points of reference guide their development? Which potentiality do self-organizing structures entail? How should they structure their relationships to existing institutions? Could they ever replace traditional forms of education? Or can they place enough pressure on institutions to make them get involved in the (auto)didactic process?

Today, education values are obviously in crisis all over the world. One of the symptoms can be found in the decline of both theories and practices based on the disciplinary, humanist ideal of education, which traditionally empowered their subjects not only a sense of civic rights and responsibilities, but also the means for changing and overturning the present state of affairs. Learning solidarity, dignity, historical subjectivity, and the ability to participate in political life is no longer an irreplaceable part of the educational process. Moreover, disciplinary autonomy no longer shields this process from market encroachment, especially when its basis in state funding erodes. Education has effectively become an instrument or bargaining chip used in corporate market politics, which are only interested in producing a cost-efficient, obedient work force. The growing servility of education to market demands represents a serious threat to any creativity or vibrancy in a society’s development.

We can resist by spreading and producing alternative forms of knowledge that continue and further develop the emancipatory traditions to be found in a variety of educational practices, thus unlocking the potentiality of a new constellation in society’s forces of production.

Such tendencies find their reflection in contemporary art. We see them in the manifold refusals to engage in mythologization and commodity fetishism, the construction of non-hierarchical collectives, and the desire to found artistic practice on various methods of militant research. New “subjects of dissent” in art and culture seek to create “spaces for participation.” Such projects in contemporary art have an inalienable self-educational value and might even provide a real alternative to the hegemony of schools and academies.

Practices of self-education have been extraordinarily important in Russian history. Nikolai Chernyshevsky’s novel “Chto delat? / What is to be done?” (1863) offers a brilliant literary example. Often half-criminal and in opposition to official institutions of power, such confidential circles were able to formulate some of the most striking phenomena in Russian thought and culture. Notwithstanding their marginal position, they made an invaluable contribution to the historical victory over monstrous, repressive structures. Their experience still inspires us today, as we once again look for ways to educate ourselves.

The editors

DIALECTICALLY, EDUCATION IS NOT THE KEY TO TRANSFORMATION, BUT TRANSFORMATION IS IN ITSELF EDUCATIONAL.

PAULO FREIRE, PEDAGOGY OF THE OPPRESSED

РАССУЖДАЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКИ МЫ МОЖЕМ СКАЗАТЬ, ЧТО ОБРАЗОВАНИЕ НЕ ЕСТЬ КЛЮЧ К ПРЕОБРАЗОВАНИЮ, НО САМО ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВСЕГДА НОСИТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР.

ПАОЛО ФРЕЙРЕ, ПЕДАГОГИКА УГНЕТЕННЫХ

Дмитрий Виленский | Тезисы о самообразовании

1. Тема самообразования напрямую вытекает из темы самоорганизации. Что же сегодня мы понимаем под этим понятием? Самоорганизация – это коллективный процесс взятия на себя политических функций и решение задач, которые оказываются исключенными из сферы реальной политики или же вытеснены из публичного пространства. Таким образом, процесс самоорганизации неизбежно связан с позиционированием коллективного несогласия с существующим порядком вещей и с требованием его изменения. Самоорганизация есть поиск формы для выражения голоса различных субъектов несогласия.

2. Так как самоорганизация востребует нечто несуществующее в конкретный исторический момент и в конкретной локальной ситуации, то важнейшей ее характеристикой является состояние НЕЗНАНИЯ. В то же время, незнание не означает отказа от уже известных методов познания. Состояние творческого незнания является отправной точкой для начала действия; оно должно быть основано на ясном историческом анализе момента и опыта прошлых освободительных проектов.

3. Мы еще не знаем, как действовать, и не знаем, к чему может это действие привести – поэтому в начале мы ставим вопросы. Ситуация вопрошания сравнима с сознанием ребенка, еще не имеющего готовых ответов на самые простые вопросы. Но, в отличие от ребенка, которому необходимо обретение повседневных навыков, мы скорее вынуждены помыслить несуществующее. Именно в этом для меня кроется огромная провокативная ценность цитаты Ленина: “Учиться, учиться и еще раз учиться коммунизму настоящей образом”. Да, мы должны научиться учиться коммунизму – учиться тому, о чем еще нет готового знания. Подлинное образование ставит себе задачу учиться несуществующему. Оно требует синтеза рациональных методов постижения мира и иных практик, основанных на предвосхищении других отношений в обществе.

4. Процесс самообразования отталкивается от ясного осознания угнетения и направлен на то, чтобы это состояние изменить. Самообразование – это процесс, в который вовлекаются те, кто идентифицирует себя как угнетенных, а целью процесса самообразования является освобождение, обретение достоинства и любви. То есть ищется ответ на вопрос: как мы можем превзойти себя, порвать с состоянием неполноценности, угнетения и обрести равенство. Ответом на этот вопрос может стать только практика всей нашей жизни, демонстрирующая здесь и сейчас, что речь идет не об абстрактных категориях будущего идеального мира, а о реальности нашего повседневного существования.

Dmitry Vilensky | Theses on Self-Education

1. The theme of self-education flows from the notion of self-organization. What do we mean when we talk about this notion today? Self-organization is a collective process of taking on political functions and addressing tasks that have been excluded from the field of real politics or pushed out of public space. Thus, the process of self-education is inseparable from the positioning of collective dissent with the existing order of things. It demands the transformation of the status quo. Self-organization searches for a form to express the voices of dissenting subjectivity.

2. Since self-organization demands something lacking in a concrete historical moment and a concrete local situation, its most important characteristic is the LACK OF KNOWLEDGE. At the same time, the lack of knowledge does not entail the rejection of cognitive approaches that are already known. The state of a creative lack of knowledge is the point of departure for action; it needs to be founded upon a clear historical analysis of the moment and the experience of emancipatory projects in the past.

3. We still do not know how to take action, nor do we know what our actions could bring. This is why we begin by asking questions. The situation of questioning is comparable to the consciousness of a child who has no ready answers. But unlike a child, which needs to acquire everyday skills, we are forced to think the non-existent. This is precisely where I see the unbelievably provocative force of the Lenin-quote: *Study, study, and study again to learn communism in reality.** We need to learn how to learn communism, to learn something for which there are no ready recipes. Genuine education always set itself the goal of learning the non-existent. It demands the synthesis of rational methods of knowing the world and practices that anticipate other social relations.

4. The process of self-education departs a clear awareness of its oppression, and aims at changing this state of affairs. Self-education is a process that draws in those who identify themselves as the oppressed. Its goal is emancipation, dignity, and love. In other words, it searches for an answer to the question of how can we get beyond ourselves, breaking with our state of insufficiency and oppression, finally attaining equality. The only answer is to be found in the practices that make up our lives, which demonstrate here and now that we are not talking about the abstract categories of an ideal world in the future, but about the realities of our everyday existence.

*Editorial note: This quote is actually apocryphal, and most likely, a posthumous condensation of Lenin’s view of the Soviet Union’s post-revolutionary transformation as a process of arduous self-education, which he voiced on innumerable occasions.

Zanny Begg | Self-education through collective action

“For Marx, enjoyment of the world is not limited to consumption of material goods, no matter how refined, no matter how subtle. It is much more than that. He does not imagine a world in which all men would be surrounded by art, not even a society where everyone would be painters, poets or musicians. Those would be transitional stages. He imagines a society in which everyone would rediscover the spontaneity of natural life and its initial creative drive, and perceive the world through the eyes of a painter, the ears of a musicians and the language of a poet. Once superseded art would be reabsorbed into everyday which had been metamorphosed by its fusion with what had hitherto been kept external to it”

Henri Lefebvre.[1]

The field of education that contains the most interest and potential is that which grounds knowledge, and self-knowledge, in the practices and lived experiences of the oppressed outside the framework of the professions and the academy. In this sense self-education is not the individual completion of a university degree, the gaining of a place in the academy, nor even the mastering of a particular self-directed body of knowledge (useful though all these processes may at times be) but rather the process by which the individual is able to participate in a collective process which challenges the violence of the relationship between the commodity form and the comodification of consciousness. As Marx points out this disjunction is breached when “man is lost to him-self but at the same time has acquired a theoretical consciousness of this loss, and is driven by the absolutely imperious dictates of his misery – the practical expression of this necessity – which can no longer be ignored or whitewashed, to rebel against this inhumanity” [2].

Self-education needs to be therefore understood as the self-conscious understanding of the process of reification which cleaves our self-knowledge from our ability to act upon this knowledge. As Marx goes on to argue “the proletariat cannot liberate itself without destroying the conditions of its own life. But it cannot do this without destroying *all* the inhumane conditions of life in contemporary society which exist in the proletariat in a concentrated form”[3]. Thus the possibility of revolutionary action becomes embodied in the transformation of alienated self-consciousness.

Self-education is therefore collective education of individuals within the tempo-spatial possibilities of everyday life. As Lefebvre points out alienation is not the “inauthentic” barrier to the obtainment of revolutionary consciousness but rather the productive and conflictual ground through which this consciousness emerges. In their critiques of the everyday theorists such as Lukacs, Lefebvre and Benjamin turned their attention to this fertile field for an understanding of the nexus between philosophical understanding and revolutionary praxis, theorising the plane upon which the gap between present realities, future possibilities and past understanding will be resolved as the proletariat becomes both the subject and object of history.

Lukacs, in his controversial but pertinent exploration of subjectivity and revolutionary consciousness *History and Class Consciousness* explains that in the gap between the subject and the object lies the “pernicious chasm of the present” [4]. To resolve this chasm he suggests that we need to be able to comprehend the present as a process of becoming. We can only do this by seeing in it the tendencies out of whose dialectical opposition we can make the future thus making the present a process of becoming that belongs to us.

The concept of the “militant researcher” builds on this understanding of the importance of the “everyday” as the ground upon which revolutionary consciousness and praxis meet. As *Colectivo Situaciones* explain the militant researcher is as far from institutional procedures as it is from ideological certainties. His or her role is to carry out “theoretical and practical work orientated to co-produce the knowledges and modes of alternative sociabilities, beginning with the ...*potencia* of those subaltern knowledges” [5].

Similarly to an earlier concept of the “worker-correspondent”⁶ the militant researcher seeks to break down the distance between subject and object, part and whole, close and distant. They exist both as worker and cultural producer, they do not just report back on the lives of workers and other marginalised people but also seek to transform the daily experiences of these lives through common struggle, understanding, education and engagement.

True self-education can not be divorced from this struggle. As one of the participants I interviewed for my work for the exhibition *Self-Education* explains “when you set out to change the world, the world also changes you.” An ability to learn and challenge individual alienation and reification is predicated on an ability to engage with the collective struggle against how this manifests in everyday life. And the strength of this struggle has the capacity to dissolve everyday life into continually evolving forms of social being.

It will be through this that, as Lefebvre points out, our self-education will be fully realised and everyone will perceive the world with “the eyes of a painter, the ears of a musician and the language of a poet”.

Zanny Begg (1972) artist, writer and activist with the global justice movement, lives in Sydney, Australia

Footnotes | Примечания:
1. Lefebvre, H, The Citique of Everday Life, Vol. II, p37.
2. Nachlass II, p133 [The Holy Family chapter 4].
3. Ibid p133.
4. Lukacs, G, History and Class Consciousness: studies in Marxist Dialectics
5. Colectivo Sitaciones, from transform magazine.
6. This concept is discussed in relation to the everyday by John Roberts in Philosophizing the Everyday, Pluto Press: London 2006, p57.

Занни Бегг | Самообразование в коллективном действии

“По Марксу, наслаждение миром не ограничивается потреблением материальных благ, независимо от степени их совершенства, независимо от их утонченности. Оно куда как глубже. Маркс не грезит ни о мире, в котором всех людей будет окружать искусство, ни даже об обществе, в котором все будут художниками, поэтами или музыкантами. Таковыми должны быть переходные стадии. Он же мечтает об обществе, в котором каждый смог бы заново открыть спонтанность естественной жизни, ее изначальный творческий заряд, и воспринимал бы мир глазами художника, слухом музыканта и словом поэта. Будучи вытесненным, искусство вновь станет частью повседневности, преобразованной слиянием с тем, что до того оставалось ей внешним”

Анри Лефевр

То поле образования представляет наибольший интерес и включает в себе наибольший потенциал, которое укореняет знание и самосознание в практиках и жизненном опыте угнетенных вне профессиональных и академических рамок. В этом смысле, самообразованием не является индивидуальное получение университетской степени, преподавательского места, или даже самостоятельная разработка какой-либо конкретной области знаний (несмотря на всю пользу, которую подчас несут эти процессы). Самообразование – это скорее процесс, позволяющий индивидууму включиться в коллективное действие, бросающее вызов жестокости отношений между товарной формой и овеществлением сознания. Как отмечает Маркс, этот разрыв преодолевается, когда “человек потерял для себя, но вместе с тем обретает теоретическое осознание этой потери, и движут им абсолютно императивные предписания его бедственного положения, которое больше уже невозможно игнорировать или оправдывать, и практическим выражением этой необходимости становится бунт против этой бесчеловечности”.

Самообразование, стало быть, требуется понимать как осознание процесса овеществления, который отделяет наше самосознание от способности действовать в соответствии с этим знанием. Как продолжает Маркс, “пролетариат не может освободить себя, не разрушив условия собственного существования. Но сделать это пролетариат сможет, только уничтожив все бесчеловечные жизненные условия в современном обществе, которые в пролетариате существуют в концентрированном виде”. Так возможность революционного действия воплощается в преобразовании отчужденного самосознания.

Самообразование, следственно, это коллективное обучение индивидуальностей внутри пространственно-временных возможностей повседневного бытия. Как подчеркивает Лефевр, отчуждение не есть “ложный” барьер на пути к обретению революционного сознания, но напротив, это продуктивная и конфликтная основа, на которой и вызревает такое сознание. В своей критике повседневности, такие теоретики, как Лукач, Лефевр и Беньямин, обращались к этой богатой почве для понимания связей между философским знанием и революционной практикой, теоретически осмысляя плоскость, в которой будет преодолен разрыв между наличной реальностью, будущими возможностями и пониманием прошедшего, а пролетариат станет и субъектом, и объектом истории.

Лукач в “Истории и классовом сознании”, противоречивом, но адекватном исследовании субъективности и революционного сознания, объясняет, что зазор между субъектом и объектом пролегает в “губительной пропасти настоящего”. Для преодоления этой пропасти, согласно Лукачу, нам требуется обрести способность схватывать настоящее как процесс становления. Сделать это мы можем, лишь видя в настоящем

тенденции, из диалектических оппозиций которых мы могли бы создавать будущее, превращая тем самым настоящее в процесс становления, принадлежащий нам.

Концепция “исследователя-активиста” основывается на этом понимании важности повседневного в качестве поля, где революционное сознание встречается с праксисом. Как объясняют участники *Colectivo Situaciones*, исследователь-активист далек от институциональных процедур, также как и от идеологических достоверностей. Его или ее роль заключается “...в теоретической и практической работе, ориентированной на совместное производство знаний и модусов альтернативной социальности, начиная с ...*potencia* этих второстепенных знаний”.

Подобно более ранней концепции “рабочего-корреспондента”, исследователь-активист стремится преодолеть дистанцию между субъектом и объектом, частью и целым, близким и далеким. Обе эти роли требуют одновременно быть рабочим и культурным производителем, при этом не просто отчитываясь о жизни рабочих и других маргинализированных людей, но стремясь преобразовать повседневный опыт этой жизни через борьбу, понимание, образование и вовлеченность.

Подлинное самообразование невозможно отделить от этой борьбы. Готовя работу для выставки “Формы и субъекты несогласия. Стратегии самообразования”, я брала интервью, и один из опрошенных сказал: “...когда ты пытаешься изменить мир, мир в свою очередь меняет тебя”. Способность учиться и преодолевать индивидуальное отчуждение и овеществление основывается на способности включаться в коллективную борьбу против их проявлений в повседневной жизни. И сила этой борьбы способна претворить повседневность в непрерывно эволюционирующие формы социального бытия.

Именно таким образом, как подчеркивает Лефевр, наше самообразование полностью реализуется, и каждый станет воспринимать мир “глазами художника, слухом музыканта и словом поэта”.

Занни Бэгг (род. 1972) художница, теоретик и активистка всемирного движения за справедливость, живет в Сиднее, Австралия

Zanny Begg | Занни Бегг /// from the project | из проекта:
“When you set out to change the world, the world also changes you...”

Fatima Freire in a dialogue with Contra File

Politics of the Impossible

This text-dialogue is based on a conversation we held with educator Fatima Freire (FF). At that moment, our background was composed by the questions proposed by the group What is to be Done? and by our common ground developed in the Politics of the Impossible [1], a project that has been carried out in the last year and a half in the city of Campinas (Sao Paulo State, Brazil) with different groups, both organized in neighbourhood communities and those without ties with a stable ground.

Fatima's greatest contribution to our work has been the ceaseless listening devoted to each one of us and to the wider group involved in the project. What we have learned in our meetings is, above all, how to deal with the very deep dimensions of our own knowledges and non-knowledges, reflected at each instant in the knowledges and non-knowledges of the other.

These moments have become the referential microcosms for the conflicts that we live in the micropolitics of the everyday. Here, the transformational character of each meeting is made evident: the flexible and attentive body of an educator who is always pointing at, from the oppositions that emerge within the group, which stances, attitudes and values collaborate in the breaking or activating dialogue and collective creation. On the subject, Fatima once told us:

As with dealing with our prejudices, the first step is to admit that we hold them. This something that is normally difficult to accept. From then on, one has to find out if one really wishes not let them go. We do not live eternally with the same values... however, we do hold values with which and for which we will die.

We have increasingly felt that this flexible and political subjectivity that she teaches us to be, in the exercise of becoming at each instant, takes up our body, as smoke that densifies, defining sharper outlines, until it gains names, masses, other bodies, or it generates new conflicts, confrontations, ideas and symbols.

What is to be Done? [2]

FF: we can start off from your experience, so we as to be able to think this very experience in relation to self-organisation and to self-education.

CF (Joana): The first relationship that I draw is that our artwork emerges from the doubts and the reflections sparked by our own experience, from the politicising questions that we make, which generate politicising answers. These answers are created not only in our bodies, but also in the collective body, in the sense that we have been developing, for a few years now, a work strategy that we call “The Public Assembly of Gazes”, which is a dynamics of encounter to which we invite different people to share their views on reality data. The set of everyday life experiences – invisible to official discourses – brought in by each participant, becomes the starting point for symbolic collective creation.

FF: You produce “political literacy triggers”. Instruments for the triggering of a politicisation process, of political awareness. Because what is at stake is becoming more aware. And becoming aware is, in itself, a political act.

CF (Jerusa): Because when you become aware, you automatically link up with the surroundings.

FF: And what does “linking up” demands from the individual?

CF (Cibele): Positioning.

FF: I climb off the fence and take up a position. I have to take up a position at each moment. Becoming aware is a political act because, from the moment that you understand and apprehend the inter-relations that are configured within a given situation, you can't remain still any longer; you have to take up a position. You either take up a position in the sense of “being more of a person” and also letting the others be so; or you take up a position, in your behaviour, in your actions, in your engagement, in order to be “less of a person”. That is, every and any act of politicization is related to humanisation or dehumanisation. I see no other way.

CF (Joana): When we work with different groups, with whom we carry out the assemblies, it is evident that we all tend to reproduce certain “lifestyles” with which we identify. And that these “lifestyles” correspond to the values that we often do not wish to reproduce. There, as one mirrors the other, we can become aware of that. The process of becoming aware of our place in the world arises, then, from the possibility of critically symbolising and commenting on this very process.

FF: What you are saying without knowing you are saying – and Paulo Freire brings this up beautifully, I think in the “Pedagogy of the Oppressed” [3] – is the leap from a naive awareness into a critical one. When I just reproduce, I am convinced I am not reproducing, yet I have no clarity of that which I am reproducing, and I naively imagine that I am producing that which is mine, which most times it is not the case. So, becoming aware is the reason why it is important to develop the kind of work we do; it is precisely to collaborate in the person's realisation that the discourse he or she brings up is an ideological discourse absorbed from someone else.

CF (Jerusa): Here creativity comes in, because this leap takes place when the person gives form to his or her subjectivity and thus effects him or herself as world building.

FF: What you bring up is very interesting, but we have to be careful with the notion of “creativity”. There is always a creation process, whether alienated or not.

CF (Cibele): I recall a passage from the book “What is to be Done – Theory and Practice in Popular Education” [3], a dialogue between Paulo Freire and Adriano Nogueira, where they speak of this care of not attributing naivety or alienation to the other. Adriano states: “(...) I am speaking about this popular ‘naivety’. I place things between quotation marks and I discuss with you. This ‘naivety’ in certain popular attitudes seems to me to be related to life's needs. (...) These ‘naive’ actions do take place... They correspond to popular needs that I, intellectual educator, do not understand and criticise. I see a danger there. (...) It is the danger of cultural misunderstanding. I will misunderstand the resistance strategies that are possible in popular groups”.

CF (Joana): He brings in this “cultural misunderstanding”. When you do not hold the tools to see where the other's resistance lies. And transposing this to our experience, we have realised that both naivety and resistance must not be thought of as circumscribed to a class condition. Because we are all naive as we live the official discourse as “the reality”; equally, all can have the potential of resisting by building discourses and practices initiated from one's own experience. I think that it is in this sense that we understand self-education: to be in the constant building of ourselves, of our own humanity.

FF: This is where you start to seek methodological instruments for your what-to-be-done initiated from real urgencies [4], from real needs and that you really instrumentalise, that you can really produce. One has only to think about what you, as the group Contra File, have needed to do. I mean, what did you need to do from the moment that you have realised the inadequacy of this discourse that speaks of a reality that is not “the reality”? You had to spark a kind of process so as to allow a kind of learning that, in the first place, should generate the awareness that discourse is not single. And, from there on, you must create the conditions for action, because it is not possible to act in a disorganised way. So, one needs to structure the collective,

Фатима Фрейре в диалоге с Contra File

Политика невозможного

Текст данного диалога подготовлен на основе нашей (Contra File) беседы с педагогом-теоретиком Фатимой Фрейре (ФФ). На тот момент, мы основывались на вопросах, предложенных группой “Что делать?” и на наших общих наработках в ходе проекта “Политика невозможного” [1], который проводился полтора года назад в городе Кампинас (Бразилия, штат Сан-Пауло) при участии различных групп, как организованных в локальных сообществах, так и неукорененных. Фатима неустанно выслушивала каждого из нас и других участников проекта, что и стало ее важнейшим вкладом в работу. Главное, чему научили нас встречи с ней, это работе с глубочайшими измерениями наших знаний и не-знаний, каждое мгновение отражающихся в знаниях и не-знаниях другого. Такие мгновения стали референциальными микрокосмами для конфликтов, которые мы проживаем в микрополитике повседневности. Здесь выявляется преобразующий характер каждой встречи: гибкий и внимательный педагог, присутствующий телесно, всегда указывающий – исходя из оппозиций, возникающих в группе – какие позиции, мнения и ценности сообща разрушают или активизируют диалог и коллективное творчество. По этому поводу Фатима однажды сказала нам: “Для работы с нашими предрассудками, сперва требуется самим признать их наличие. Как правило, это трудно принять. Затем нужно понять, действительно ли мы хотим, чтобы они оставались. Мы не живем одними и теми же ценностями вечно... и все же, с некоторыми и за некоторые из них мы готовы умереть.”

Росло чувство, что та гибкая и политичная субъективность, которой она учит нас быть, упражняясь в становлении-каждый-мгн, заполняет наше тело, подобно сгущающемуся дыму, все более четко очерчивая контуры, пока не проступят имена, массы, другие тела, или же пока в нем не родятся новые конфликты, конфронтации, идеи и символы.

Что делать? [2]

Фатима Фрейре: Давайте оттолкнемся от вашего опыта, так мы сможем осмыслить сам этот опыт в соотношении с самоорганизацией и самообразованием.

Contra File (Жоана): Первая связь, которую я вижу, в том, что наша художественная деятельность берет начало в сомнениях и размышлениях, порождаемых нашим собственным опытом, в наших политизирующих вопросах, ведущих к политизирующим ответам. Эти ответы создаются не только нашими телами, но также нашим коллективным телом, в том смысле, который мы развиваем уже несколько лет в рабочей стратегии под названием “Общественное собрание пристальных взглядов” (Public Assembly of Gazes), то есть в смысле динамики встреч, на которые мы приглашаем различных людей поделиться своим видением реальности. Сочетание различного опыта повседневной жизни – неразличимой официальными дискурсами – опыта каждого участника, становится отправной точкой для символического коллективного творения.

ФФ: Вы производите “активацию (trigger) политической грамотности”. Инструменты для запуска политического процесса, политической сознательности. Потому как речь идет о достижении большей осознанности. А осознание, само по себе, является политическим актом.

CF (Жеруса): Потому что, становясь сознательным, ты автоматически связываешься с окружающим.

ФФ: А что требует “связывание” от индивидуальности?

CF (Сибель): Занять позицию.

ФФ: Я слезаю с забора и занимаю позицию. Я должна занимать позицию каждое мгновение.

Осознание является политическим актом, потому что с тех пор, как ты понимаешь и схватываешь конфигурацию взаимоотношений в любой наличной ситуации, ты уже не можешь оставаться бездейственным, ты обязан занять позицию. Ты или занимаешь позицию в смысле “быть более человеческим”, позволяя то же самое другим; или же занимаешь позицию – в своем поведении, своих действиях, своих связях – чтобы “быть менее человеческим”. Таким образом, каждый и любой акт политизации связан с гуманизацией или дегуманизацией. Другого пути я не вижу.

CF (Жоана): Когда мы работаем с разными группами во время наших собраний, становится очевидным, что все мы воспроизводим определенные “стили жизни”, с которыми идентифицируемся, и что эти “стили жизни” соответствуют ценностям, которые мы зачастую не желаем воспроизводить. Поскольку одно отражается в другом, мы можем осознать это. Процесс осознания нашего места в мире начинается, следовательно, с возможности критической символизации и разбора самого этого процесса.

ФФ: То, что ты описываешь, сама того не зная – а Пауло Фрейре прекрасно раскрыл в “Педагогике угнетенных”, кажется – это скачок от наивной осознанности к критической. Когда я воспроизвожу, я уверена, что не воспроизвожу, и в то же время, у меня нет ясности относительно воспроизводимого мной, я наивно полагаю, что я произвожу нечто свое, но как правило, это неправда. Поэтому осознание делает важной нашу работу – мы именно помогаем человеку понять, что его дискурс является идеологическим дискурсом, позаимствованным от кого-то еще.

CF (Жеруса): Здесь подключается творчество, потому как этот скачок происходит тогда, когда человек придает форму своей субъективности, осуществляя себя как миростроителя.

ФФ: Ты поднимаешь очень интересный вопрос, но нам нужно соблюдать осторожность, говоря о “творчестве”. Творческий процесс, отчужденный или нет, протекает постоянно.

CF (Сибель): Мне вспомнился отрывок из книги “Что делать – Теория и практика в популярном образовании” [3], диалог между Пауло Фрейре и Адриано Ногейра, где они призывают не объяснять наивность отчужденностью или наоборот. Адриано констатирует: “<...> Я говорю об этой популярной “наивности”. Я располагаю вещи в кавычках и обсуждаю с тобой. Эта “наивность” некоторых популярных мнений кажется мне связанной с требованиями жизни. <...> Такие “наивные” действия имеют место... Они соответствуют популярным потребностям, которые я, педагог-интеллектуал, не понимаю и критикую. В этом мне видится опасность. <...> Это опасность культурного непонимания. Я не смогу понять стратегии сопротивления, возможные в популярных сообществах.”

CF (Жоана): Он вводит “культурное непонимание”. Когда ты не владеешь инструментарием, чтобы разглядеть, в чем заключается сопротивление другого. Проецируя это в наш опыт, мы поняли, что нельзя ни наивность, ни сопротивление ограничивать классовыми рамками. Поскольку все мы наивны, ибо проживаем официальный

In 2005 we have carried out assemblies with different groups in the city of Campinas, upstate Sao Paulo, as part of the Politics of the Impossible project. The increase in the number of closed residential condominiums in the city was a subject much discussed by one of the groups. Many participants, who actually lived in those condominiums, could view in a critical way the growth in the dividing walls' height and the strategies of social segregation travestied as public and private security strategies. Thus the CONDOMINIUM WITHOUT DOMINION action was born, carried out in pedestrian crossings in downtown Campinas.

В 2005 году в городе Кампинас (штат Сан-Пауло), как часть проекта «Политика невозможного», мы проводили собрания с участием различных групп. Одна из групп активно обсуждала рост числа закрытых жилищных совладений (кондоминиумов) в городе. Многие участники, сами проживавшие в таких кондоминиумах, критически смотрели на увеличение разделяющих людей стен и на стратегии социальной сегрегации, представляемых как стратегии частной и общественной безопасности. Так родилась акция СОВЛАДЕНИЕ БЕЗ ДОМИНИРОВАНИЯ, проводившаяся на пешеходных переходах в центре Кампинаса.

survey the individual urgencies, see what is really an urgency and which can be collectively consented. Finally, to find strategies to operate the collective urgencies coming out.

CF (Joana): And I keep thinking that what we learn in this process as a whole, and, therefore, what we can teach, is to transform the residue that emerges in the assemblies as urgency, in symbols that will later circulate in the collectivity, symbols that can be thought about by the people and become new thoughts and actions.

CF (Cibele): So, “what is to be done?” is the methodological focus we must keep in mind all the time, it is the question we carry over to each situation and each group, because it is from there that what needs to be done emerges. It is the very survey of each group’s urgencies, including ourselves as part of these groups; it is a big listening, the attention, the ever considering the diverse experiences in the process of building and in exchange.

CF (Joana): And it is the certainty regarding the oppositions contained within the group relationship that renders essential to ask one another, at every moment, “what is to be done?”. Because there is no other way of building a collective thinking if not in the opposition with the collectivity itself. It is precisely the continuity, the persistence of a group character, which is going to build a kind of “in relation” subjectivity, which is a kind of subjectivity based on conflict and dialogue. It is this subjectivity that we try to proliferate within ourselves and as a stance in the world.

FF: You mean, it is starting from the building of this subjectivity, both individually and collectively, that you propitiate working environments and spaces where this subjectivity can be built.

CF (Jerusa): And as a group, our main battle is to develop strategies and tools that will allow the creation of these environments such as, for instance, what we call “metaphorical situation”, which is a fundamental strategy in our practice, because it is a way of creating a common parameters for dialogue, a converging point between the people who compose the group, cast from metaphors that present issues about the people with whom we intend to dialogue with; metaphors that develop as collective action.

CF (Joana): It is the simulation of a kind of experience of collectivity that could come to exist as reality. When people live in this simulation through metaphor, they realise the image of a kind of possible meeting, as a glimpse of what could be; but because they live the metaphor as experience - because the dialogue actually occurs – it also instrumentalises their bodies for the development of analogous actions in other moments of their lives.

FF: I mean, when a political subjectivity finds these propitious environments for its exercise, it will carry this in the body as a constitutive element of any inscription it may carry out.

CF (Jerusa): So, what are the characteristics and conditions that the exchange environment must feature so that this political subjectivity is inscribed both in the individual and the collective levels?

FF: I think it must be an environment in which desire fits in... So education is a living action, not an applicative action.

CF (Jerusa): We have to act in the way we believe that these actions must be, if what really matters to us is to live, in the actuality of the meeting, the “experience of the possible”.

FF: And if we speak about the experience of the possible, it is important precisely because it allows the creation of environments in which the people can be themselves. In order to do that, some aspects of the impossible must be turned into shared possibles. For if all is named, systematised, one runs the risk of transforming the person into an object, of making a thing out of him or her, of drawing out from them the capacity of de-territorialising oneself, and not remaining in fixed position, of inventing new action and desire fields. And it is that which gives organicity to the act of educating for transformation.

CF (Cibele): Again quoting from the book “What is to be Done – Theory and Practice in Popular Education”, Paulo Freire responds to Adriano Nogueira: “(...) Before being a good policy, the organised action is a collectivised dream. Before an enterprise is a programme and a strategy, it is a dream. I would almost say... a dose of anarchy precedes and accompanies the revolutionary organisation. You have spoken well, regarding utopias: they allow the certainty that there is a very wide gap between yesterday and tomorrow. Our challenge is to organise the utopian procedure without suffocating the utopian capacity. The history of our city is understood not only as it should be, but it is a also history understood as possibilities within the unfinished world. I have stated, regarding this, that the reason for life is becoming. It is not given, and it is not finished. (...) I am proposing that the work and organisation should shorten the distance between the dream and the concreteness of the dream. The dreamer meets up with another dreamer and they together shorten the distance between the dream and the dreamed life. This is what we have invented Popular Education for, each day” [5].

*Educator **Fatima Freire** Dowbor, born in the Brazilian city of Recife, started her career teaching Psychology and Philosophy at the Kwame Nkrumah National Lyceum, in Guine Bissau, Western Africa (1976-1980). Fatima worked as an aide to the Minister of Culture, of Guine Bissau, Mario de Andrade (1980-1981). She has worked as an educator in several countries. Still a teenager, she followed her parents into exile: educators Elza Freire and Paulo Freire.*

*Created in the city of Sao Paulo in the year of 2000, **Contra Fileis** composed by Cibele Lucena, Jerusa Messina, Joana Zatz e Peetssa, a geographer, a fine artist, an anthropologist and a photographer.*

all photos by Peetssa

translation by Gavin Adams

Endnotes:

1. “Politics of the Impossible” is a project constituted by artists-teachers hailing from diverse fields of knowledge: education, fine arts, social sciences, geography, architecture, dance, psychology, circus and history. Participants in the project in 2006: Beatriz Carvalho, Chico Linares, Cibele Lucena, Daniel Lima, Daniela Biancardi, Eduardo Consoni, Gavin Adams, Jerusa Messina, Joana Zatz, Rodrigo Araujo, Suia Ferlauto, Thais Rocha, Luciana Costa and Fatima Freire.
2. Here is the reference to the book - Freire, Paulo and Nogueira, Adriano, “What is to be done – theory and practice”, Ed. Vozes, Petropolis, 2002.
3. Freire, Paulo. Pedagogia do Oprimido, 1970
4. Cf. Suely Rolnik: that which demands passage, which is already lived as real, but does not find representation in reality.
5. Freire, Paulo and Nogueira, Adriano, “What is to be done – theory and practice”, Ed. Vozes, Petropolis, 2002. Pages 43 and 44.

дискурс в качестве “реальности”; равно как все имеют потенциал к сопротивлению через построение дискурсов и практик, вытекающих из собственного опыта человека. Я полагаю, именно в этом смысле мы понимаем самообразование: как пребывание в постоянном построении самих себя, своего человеческого.

ФФ: Именно тогда начинаешь искать методологические инструменты для решения своих “что делать”, порожденных реальными необходимостями (urgencies) [4], реальными потребностями, начинаешь действительно инструментализировать, действительно производить. Нужно просто подумать о том, что вам, как группе Contra Filii, требовалось сделать. Я имею ввиду, что вы должны были делать с того момента, как осознали

неадекватность дискурса, который говорил о реальности, не являвшейся “реальностью”? Вы должны были инспирировать некий процесс, который сделал бы возможным некое обучение, первейшая задача которого – родить осознание того, что дискурс тот – не единственный. А после этого, вам требовалось создать условия для действий, поскольку невозможно действовать неорганизованно. Таким образом, требуется структурировать коллектив, изучить индивидуальные необходимости (urgencies), понять, какие из них действительно неотложны и какие могут быть разрешены коллективно. Наконец, найти стратегии для работы с возникающими коллективными необходимостями (urgencies).

CF (Сибель): Получается, вопрос “что делать?” задает методологический фокус, о котором мы должны постоянно помнить; этот вопрос мы повторяем в каждой ситуации, с каждой группой, поскольку здесь-то и рождается то, что нужно делать. Это само исследование групповых необходимостей (включая нас как часть этих групп), это большое выслушивание, внимание, всегда учитывающее многообразие опыта в процессе построения и обмена.

CF (Жоана): И именно уверенность относительно содержащихся в групповых взаимоотношениях противоречиях делает необходимым спрашивать друг друга каждый раз: “Что делать?”. Потому что не существует

иного пути построения коллективного мышления, иначе как через оппозицию внутри самой коллективности. Именно длительность, непрерывность характера группы способна создать некую субъективность “в-отношении”, некую субъективность, основанную на конфликте и диалоге. Именно такую субъективность мы пытаемся развивать в самих себе и распространять как позицию в мире.

ФФ: Ты имеешь ввиду, что начиная с построения этой субъективности, индивидуально и коллективно, вы примиряете рабочие среды и пространства, в которых такая субъективность может создаваться.

CF (Жеруса): И главное, над чем мы бьемся как группа – это разработка стратегий и инструментов, позволяющих создавать такие среды – к примеру, то, что мы называем “метафорической ситуацией”, которая является фундаментальной стратегией нашей деятельности, ибо это способ задания общих параметров диалога, точка близости для составляющих группу людей, составленная из метафор, представляющих проблемы участников диалога; метафоры, развивающиеся как коллективное действие.

ФФ: Я имею ввиду, с тех пор, как политическая субъективность обнаруживает эти благоприятные для своего развития среды, она будет нести их в своем теле как конститутивный элемент любого решения, какое она может вынести.

CF (Жеруса): Итак, какими характеристиками и условиями должна обладать среда обмена, дабы такая политическая субъективность была вписана как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях?

ФФ: Я полагаю, среда должна давать место желанию... Так образование будет живым действием, а не прикладным.

CF (Жеруса): Мы обязаны действовать согласно нашей вере в то, что (если самое важное для нас – жить) эти действия должны быть, в действительности встречи, “опытом возможного”.

ФФ: И если мы говорим об опыте возможного, то важно это именно потому, что способствует созданию сред, в которых люди могут быть собой. Для воплощения этого, некоторые аспекты невозможного должны быть преобразованы в совместное возможное. Ибо если все поименовано, систематизировано, возникает опасность превратить человека в объект, сделать из него или из нее вещь, лишить возможности к детерриториализации, к отказу от фиксированной позиции, к изобретению новых полей действия и желания. Это и придает органичность акту обучения-ради-изменения.

CF (Сибель): Вновь цитирую книгу “Что делать – Теория и практика в популярном образовании”; Пауло Фрейре отвечает Адриано Ногейра: “<...> Прежде, чем стать хорошей политикой, организованное действие является коллективной мечтой. Прежде, чем инициатива превращается в программу и стратегию, она является мечтой. Я бы даже сказал... доза анархии предшествует и сопутствует революционной организации. Ты хорошо говорил об утопиях: они дают уверенность, что между вчерашним и завтрашним днем остается огромная пропасть. Наша задача – организовать утопический процесс, не отрицая при этом продуктивность утопии. История нашего города понимается не только как предписано – это также история, понимаемая как возможности в незавершенном мире. Я отмечал, касательно этого, что причина жить – становление. Оно не дано и не окончено. <...> Я предлагаю, чтобы работа и

организация вели к сокращению дистанции между мечтой и конкретностью мечты. Мечтатель встречает другого мечтателя, и вместе они сокращают расстояние между мечтой и ее воплощением. Для этого мы и придумывали “Популярное образование” (Popular Education), каждый день”.[5]

Группа Contra File создана в городе Сан Пауло, в 2000 году. Участники: Cibele Lucena, Jerusa Messina, Joana Zatz, Peetssa (географ, художник, антрополог, фотограф).

Фатима Фрейре педагог-теоретик, родилась в городе Ресифе (Бразилия). Будучи еще подростком, она последовала в ссылку за своими родителями всемирно известными бразильскими педагогами Эльзой и Пауло Фрейре. Как преподаватель и теоретик психологии и философии, работала во многих странах.

“Programme for the De-turnstilisation of Life Itself” is a proposition created by the group Contra-File in 2004. It was shared in a Public Assembly of Gazes as a trigger for a discussion about the forms of control in the city of Sao Paulo. The Assembly has generated the inscription “Monument to the Invisible Turnstile” as a symbolic fact, appropriated by society in diverse ways. The burning turnstile is a proliferation of the symbol appropriated by the Students Moviment, which protested against the high fees charged for the admission examination for Sao Paulo University, the largest public university in Brazil.

“Программа де-турникетизации самой жизни” – это проект, предложенный группой Contra-File в 2004 году. Он был представлен на “Общественном собрании пристальных взглядов” в качестве активизации обсуждения форм контроля в городе Сан Пауло. На том собрании было создана идея “Памятника Невидимому Турникету”, который затем в качестве символа, был различными способами апроприирован обществом. “Горящий турникет” появился вследствие использования символа Студенческим Движением, выступившем против высокой платы за вступительные экзамены в университет Сан Пауло.

The June Celebration of the impossible, a metaphorical situation proposed by the Politics of the Impossible project, as the conclusion of a process carried out with different groups in the cities of Campinas in June 2006. The dialogue was elaborated against the background of the Feast of St. John, a traditional Brazilian outdoor celebration, as a metaphorical situation, starting from the aim of collectively subverting the feast’s constituting elements: the flags, the bonfire, the square dance, the wedding and the prison.

“Июньские Торжества невозможного”, метафорическая ситуация, предложенная в качестве завершения проекта “Политика невозможного”, проводившегося совместно различными группами в июне 2006 года в городе Кампинас. На фоне Дня Св. Джона, традиционного бразильского уличного праздника, диалог развивался как метафорическая ситуация, отталкивавшаяся от цели коллективно ниспровергнуть конституирующие элементы праздника: флаги, костер, кадрили, свадьбу и тюрьму.

Bojana Piskur | Leaning with each other

One of the important issues in today’s world is the question on how to circumvent dominant assumption and practices of any fixed categories in a society. A possible strategy to that is that we should be creating constructive-productive spaces – spaces of collective resistance that are also meeting places for all peripheralized or/and marginalized subjectivities. In doing so, radically new and different forms of citizenship could be redefined and realized. But it is important, first of all and before any further actions are taken that we recognize what our pre-judgments and our fixed and determined viewpoints are and realize that there exist numerous standpoints and horizons. Which means that we should try and understand “a horizon that is not our own in relation to our own”. Of course, this does not mean we should agree on everything; on the contrary, “the less we agree, the more we create an area, a field of vitality in different branches of this phylum of molecular revolution, and the more we reinforce this area.” [1]

The debates and reflections about the foundations of society could be collaborative, dialogical, antagonistic, or conflictual. Change occurs as the “tension” leads to a new concept of reality. It is at the intersection with something unfamiliar that binary opposites (us-other, inside-outside) are transformed into trialectical twist; and the newly constituted concepts remain open to infinite array of circumstances and subjects. Eventhough locating oneself there is difficult it is also necessary. That is the starting point where the (cultural) norms of any society are being bypassed.

One of the prepositions on how to reject the role of being mere “objects” in the homogenized realms of the world and to undertake to become “subjects” is to learn through living experience on the basis of dialogue and dialogic inquiry. It should be taken into consideration though, that any kind of education reflects a narrative that “includes its ideal vision of educators, learners, teaching and learning process”. The progressive radical education should therefore be able to de-educate itself to the point where people learn social and political responsibility “only by experiencing that responsibility” (Freire). These moments are a part of a larger process – that of knowing and of cognizing, which also implies recognizing. Knowledge that arises from these processes is not a fixed thing but an aspect of emancipation.

The importance of art in the wider social context is its ability to create situations where people can allow themselves to be something else than they are in their ordinary social roles. This creates “alternative narratives” that permit otherness on a variety of expressive levels. There is a motivation in art to create a form of human social configuration that lies beyond existing social forms. But solidarities, identification between minorities, marginalized and other groups are pseudo-dialectical unless this alignment is mediated through identification with a particular group, as Bhabha emphasized. Recent examples in Ljubljana (Slovenia) tell us that art could be a dialogic praxis too and where artists do not only work or create for the people but with the people. For example; an informal self-organized production network of groups and individuals TEMP tries to maintain an organic and open structure of the network, which allows them to seek new ways of participation and organization beyond the framework of institutions. This is, they say, when the synergy of a multitude occurs: a multitude assembles at a certain point to achieve a common goal, and then equally quickly disintegrates. TEMP’ first experiences with constituting such communities were in the beginning stage of their activities, when they appropriated parking lots and parks in Ljubljana with a mobile pavilion. They would set up the prefabricated structure in a given situation, a private parking lot or an untended park, and with an educational-cultural program informed the passers-by of the position and significance of the space itself. They called this technique “activating space”: opening a stagnating environment to the field of discourse with direct action. These kinds of constructive methods encouraged interaction in the public domain, and concrete examples proved that the alternatives in that space were possible. In February TEMP set a temporary interactive base in the SKUC gallery; the gallery space was transformed into a working space, where workshops and talks were held. They investigated the potentials of the temporary structures and the creation of self-organized space. But in order to achieve any kind of constructive results they needed to develop the ideas together with the people who lived and /or worked there; they wrote letters and signed petitions to the city government, organized talks and other events - in order to improve and re-vitalize living and working conditions in the old part of Ljubljana and enable the temporary use of the empty spaces for cultural and other purposes as well as to organize joint actions in a climate of intolerance and passivity. All the reflections and reactions of the people involved in the Skuc project later on unexpectedly resulted in praxis – in a temporary occupation of the empty bicycle factory ROG. This was and still is the space where TEMP and other groups and individuals started new radical program open to all engaged in the non-profit sector, for the realization of independent production of cultural and social content which also included the needs of the local community surrounding it. Coincidentally, the first public event was a press conference by Antonio Negri. As Nova, a temporary user of the space put it, the multitude and the co-existence of different voices that happened in the factory constituted a better community and society as such. And it was through their actions that degraded city structure was being re-generated by creating new public spaces through workshops, talks, cleaning actions, new tactical media productions, recycling, alternative power solutions, involvement with asylum seekers, with the “erased” (residents erased from Slovenia’s civil registries), and other undesirable elements that the state systematically oppresses. The space simultaneously brought together a variety of people; university professors, homeless, artists, asylum seekers etc. It engaged everybody in a discourse, which did not simply reflect a situation since it was a situation.

ROG is an important moment in a current pro-profit oriented, nationalistic, conservative economic/political/social milieu in Slovenia, which shows how a small self-generated community succeeded in creating an experimental space on the basis of respect, horizontal distribution of knowledge, sharing of ideas, “gift economics” and democratic extensibility. Eventhough ROG factory is still lacking an official permission, it is in a dialogue with the city council. Seen from another perspective, ROG could be a sample for regeneration of other critical city vacancies, putting into practice ideas on how the city, their council and deprived communities can benefit from it. Eventhough this proposal might sound to some like a utopian reverie, which eludes control by politics, economy and their predominant mechanisms, it represents a new kind of social power, new ways of organization of collaboration and of exchange and hence create a self-defined productive domain of people working in areas which are left uncovered by the government and corporations. ROG is also a space, which enables people to take a stand and act according with their possibilities; and where each subjectivity is at the same time worker-activist with numerous hybrid competences proving that “there exists an alternative” to the dominant relations and the hierarchical order so very much present in the world today.

Footnotes:
1. Charles J. Stivale, Discussion with Felix Guattari, at <http://webpages.ursinus.edu/rrichter/>

Bojana Piskur (1970), curator, lives and works in Ljubljana, Slovenia.

Бояна Пишкур | Учимся с Другими, учимся у других

Один из главных вопросов в нынешних условиях – это как обойти доминирующие убеждения и привычку к любым фиксированным категориям в обществе. Возможная стратегия состоит в том, чтобы создавать конструктивно-продуктивные пространства – пространства коллективного сопротивления, которые одновременно служили бы местом встречи всех маргинализированных и/или задвинутых на периферию субъективностей. Тем самым мы смогли бы перестроить и реализовать радикально новые, отличные от имеющихся формы гражданственности. Но в первую очередь, до любых последующих действий, важно обнаружить наши собственные предубеждения и предустановленные, застывшие взгляды, признать, что существует множество перспектив и горизонтов. Это означает, что мы должны попытаться понять “горизонт, который не является нашим по отношению к нашему собственному”. Разумеется, это не означает согласия по всем пунктам, напротив, “чем меньше мы соглашаемся, тем вернее мы создаем зону, поле витальности в различных ответвлениях данного типа молекулярной революции, и тем более мы укрепляем эту зону”. [1]

Дебаты и рефлексия по поводу основ общественного устройства могли бы быть коллективными, диалогическими, антагонистичными или конфликтными. Изменение происходит вследствие того, что “напряженность” ведет к появлению нового концепта реальности. Именно при пересечении с чем-то незнакомым, бинарные оппозиции (мы-другие, внутренне-внешнее) преобразуются на новом витке в триаду; а заново установленные концепты остаются открыты бесконечному количеству обстоятельности и субъектов. И хотя определить свое место в подобном процессе сложно, сделать это необходимо. Ибо такова отправная точка, которая позволяет обойти (культурные) нормы любого общества.

Одна из возможностей перейти от простого исполнения роли “объектов” в омогенизированных пространствах мира к становлению “субъектами”, раскрывается в обучении через жизненный опыт, на основе диалога и диалогического вопрошания. Необходимо, однако, принимать во внимание, что любой тип образования отражает нарратив, который “предполагает некое идеализированное видение учителей, учеников, преподавания и образовательного процесса”. Прогрессивное радикальное образование должно, следовательно, быть способно де-образовывать себя до той точки, в которой люди учатся социальной и политической ответственности “только путем познания такой ответственности на собственном опыте” (Фрейер). Эти моменты являются частью более широкого процесса – процесса познания и осознания, что также подразумевает распознавание. Знание, вырабатываемое в этих процессах, не представляет собой что-то неизменное, а является аспектом освобождения.

Важность искусства внутри более широкого социального контекста заключается в его способности создавать ситуации, в которых люди могут позволить себе быть чем-то отличным от того, что подразумевают их привычные социальные роли. Так создаются “альтернативные нарративы”, допускающие существование Другого на самых различных уровнях выражения.

В искусстве заключается мотивация к созданию таких конфигураций человеческих отношений, которые выходят за рамки принятых социальных форм. Однако солидарность, идентификация между миноритарными, маргинализированными и другими группами перестает быть псевдо-диалектической только тогда, когда она выражается посредством идентификации с какой-либо конкретной группой, как подчеркивал Бхаба.

Недавние проекты в Любляне (Словения) показывают, что искусство также может быть диалогическим праксисом, в котором художники не просто работают или творят для людей, но делают это вместе с людьми. Приведем в пример TEMP – неформальную самоорганизованную производственную сеть (включающую и группы, и отдельных людей), которая пытается поддерживать органичную и открытую сетевую структуру, позволяющую ее членам искать новые способы участия и организации вне институциональных рамок. По их словам, именно тогда срабатывает синергетика множества: в определенный момент множество организуется для достижения общей цели, а затем также быстро распадается. Первые опыты формирования подобных сообществ проводились TEMP на заре их деятельности – тогда они с помощью мобильного павильона апроприировали пространства паркингов и парков в Любляне. Этот прием они называли “активацией пространства”: стагнирующая окружающая среда раскрывалась в дискурсивное поле с помощью прямого действия. Подобные конструктивные методы способствовали росту взаимодействия в публичном секторе, и конкретные примеры доказали, что в этом пространстве возможны альтернативы. В феврале начала работу временная площадка взаимодействия TEMP в галерее SKUC: галерейное пространство было преобразовано в рабочее, проводились воркшопы и семинары. В них исследовались потенциалы временных структур и создания самоорганизующихся пространств. Однако для достижения любого рода конструктивных результатов, идеи должны прорабатываться вместе с людьми, населяющими и/или трудящимися в таких пространствах: участники отправляли письма и петиции в адрес мэрии города, организовывали обсуждения и другие мероприятия с целью улучшить, вдохнуть новую жизнь в условия труда и существования в старой части Любляны, сделать возможным временное использование пустующих пространств в культурных и прочих целях, а также организовать совместные акции в нынешней обстановке нетерпимости и пассивности.

Результатом всех рефлексий и реакций участвовавших в проекте SKUC людей, позже неожиданно стало практическое действие – временный захват пустующей велосипедной фабрики ROG. Это пространство до сих пор является местом, где TEMP и другие группы и независимые участники разворачивают новую радикальную программу, открытую всем вовлеченным в некоммерческие проекты и нацеленную на реализацию независимого производства культурного и социального содержания, не забывая о потребностях живущих поблизости людей. По совпадению, первым публичным событием стала пресс-конференция Антонио Негри. Как сказал Нова, один из временных пользователей этого пространства, множество и со-существование различных голосов, организовавшееся на фабрике, сформировало более удачное сообщество и общество как таковое. И именно через их действия деградирующая городская структура была регенерирована путем создания новых публичных пространств в виде воркшопов, семинаров, мероприятий по уборке, новым продуктам тактических медиа, переработке отходов, альтернативным источникам энергии, работе с беженцами, со “стертыми” (резиденты, данные которых были удалены из гражданского реестра Словении), и другими нежелательными элементами, подвергающимися систематическому давлению государства. Над этим пространством одновременно работали самые разные люди: университетская профессура, бездомные, художники, беженцы и др. Оно вовлекало всех в дискурс, который не просто отражал ситуацию, а сам становился ею.

ROG стал для Словении важным моментом в нынешней атмосфере – ориентированной на получение прибыли, националистической, консервативной экономически, политически и социально. Эта инициатива показала, как самоорганизованная общность вполне способна создавать экспериментальные пространства на основе уважения, горизонтального обмена знанием, идеями, “экономики дара” и демократического расширения. Несмотря на то, что ROG по-прежнему не имеет официального разрешения на деятельность, проект находится в диалоге с городскими властями. Взглянув на ROG из иной перспективы, можно увидеть в этом проекте образец для восстановления различных простаивающих городских пространств, образец практического воплощения идей, приносящих пользу городу, органам самоуправления и лишенным каких бы то ни было привилегий группам. Несмотря на то, что этот проект может показаться очередной утопической фантазией, ускользающей из-под контроля политики, экономики и их господствующих механизмов, он представляет собой новый тип социальной силы, новый способ организации взаимодействия и обмена, а следовательно, создает самоопределяющееся продуктивное поле деятельности людей, работающих в сферах, неконтролируемых правительством и корпорациями. Кроме того, ROG является пространством, позволяющим людям говорить и действовать согласно своим возможностям; и где каждая субъективность в то же время является рабочим-активистом с разнообразными гибридными компетенциями, доказывающими, что “существует альтернатива” господствующим формам отношений и иерархическому порядку, господствующему сегодня в мире.

Бояна Пишкур (1970), куратор, живет и работает в Любляне, Словения.

Ф А Б Р И К А   Н А Й Д Е Н Н Ы Х   О Д Е Ж Д   (Ф Н О)

FACTORY OF FOUND CLOTHING (FNO)

Наш проект начался как семинар, который мы провели с пятью девушками. Мы обсуждали ключевые слова фразы, составленной на основе высказываний бразильского педагога Паоло Фрейре. В результате семинара получилось видео и коллекция одежды, посвященная этим словам, составляющим одну фразу. Одежду создали девушки -участники проекта, руководствуясь принципами Магазина утопической одежды ФНО.

Our project began as a seminar with five girls, at which we discussed key words from a quote of the Brazilian educator Paolo Freire. The seminar resulted in a video and a collection of clothes dedicated to these phrases. The clothes were made by the girls, as in the basic principle in most projects by the FNO Shop of Utopian Clothing.

Гуманизм утверждается стремлением угнетенных к свободе, справедливости и любви и их борьбой за восстановление своего утраченного достоинства.

Humanization is affirmed by the yearning of the oppressed for freedom, justice, and love and by their struggle to recover their lost dignity

Девушки всегда что-нибудь шьют. Или вышивают. Или хотя бы пришивают пуговицы. Они конструируют спинки и рукавчики и тем самым создают свой новый образ или, точнее сказать, форму для своего идеального образа. Они очень серьезные: их задача оформить и ограничить то, что только еще проступает как смутные контуры, как пухлая туча желаний, стремлений, восторгов, томлений и всего другого – мусора и идеалов.

Саша: Да, я идеалистка, но мне 17 лет, мне можно. Я пока не могу думать иначе. Может быть это и не умно и не очень правильно, но как иначе жить? Углубиться в этот быт? Потом человек теряет себя за этим...

Тра-та-та, стучит швейная машинка. Из чего мы пошьем идеальный образ? Из этой красивой цитаты, например: «Гуманизм утверждается стремлением угнетенных к свободе, справедливости и любви и их борьбой за восстановление своего утраченного достоинства». Девушкам цитата нравится, они готовы подписаться под каждым ее словом. Но что это за слова? Может быть это просто тра-та-та? Может быть, они нравятся потому, что ложатся легко, как строчка? Но если остановиться и вдуматься, то, может быть, в них появятся другой смысл, касающийся нас лично?

ГУМАНИЗМ:

Даша: Я думаю, что гуманизм – это возможность и желание человека проявлять свою доброту, делать хорошие дела и помогать людям ...

Саша: Это когда человек не воспринимает других как массы. Вокруг такие же личности как я, и может быть, еще величественнее, что ли. А если относишься к другим как к массам, то это приводит к индивидуализму, когда ради себя не жалко других.

Галка: Ой... Сложно всё это... Гуманизм не гуманизм...

СВОБОДА:

Галка: Ну что, «свобода» или «угнетённые»?

Даша: «Свобода»! Это красивее, чем «угнетённые»

Ольга: Свобода для чего-то или свобода от чего-то? Это тоже важно.

Даша: А как вы думаете, бывает абсолютная свобода?

Галка: Абсолютной свободы не бывает! Даже если ты один, ты всё равно не свободный...

Аня: Потому что общество на тебя давит; одиночество давит...

Ольга: Свобода любого человека зависит от того, где начинается свобода другого человека...

УГНЕТЕННЫЕ:

Аня: А «угнетённые», что это для вас значит?

Даша: Не имеющие свободу, рабы

Ольга: Если человек угнетён, то это не человек, а вещь, фактически.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ:

Галя: Ой, справедливость!.. Справедливость...

Оля: каждый по-своему, наверно, это воспринимает, то есть, это какой-то набор принципов, не принципов...скорее жизненных позиций, по которым ты, наверно, судишь поступки, потому что, на самом деле мы судим других людей, даже если не хотим этого делать, но это не возможно не делать, в принципе... что-то я запуталась совсем...

Даша: Есть такая фраза – каждому воздастся по его заслугам. Я думаю, что это и есть справедливость.

ЛЮБОВЬ:

Саша: Я раньше думала, что любовь - это смысл жизни, а потом поняла, что может быть, ее и нет вовсе. С другой стороны, я так люблю своих друзей, что готова ради них пожертвовать не только своей жизнью, но и чужой, а это гораздо сложнее...

БОРЬБА:

Галя: Борьба – это действие, движение...

Даша: Способ чего-то доказать...

Оля: нет, не доказать, а все-таки изменить. Себя, прежде всего, изменить... Потому что бороться нужно с собой, в первую очередь...

Галя: Да, точно, сначала нужно себя изменить, а потом других строить!

ДОСТОИНСТВО:

Галя: Достоинство – это то, что трудно выразить словами...

Оля: Когда достоинство есть у человека, то кажется, что он весь такой позитивный, тебе приятно с ним общаться

Галя: А если у человека нет достоинства, то он весь в депрессии, мрачный, тёмный, он всё утратил в себе...

Даша: Мне кажется, что это абсолютно безнравственный человек, человек без достоинства, которому всё равно на всех, на любовь, на свободу, на борьбу и на всё остальное.

Галя: А как ты думаешь, у меня есть чувство собственного достоинства?

*****
Фабрика Найденных Одежд (Глюкля и Цапля) – группа основанная в 1996 году двумя художницами, работы группы связаны с обращением к гендерной проблематике и реализуются в различных медиа таких как перформанс, инсталляции фильмы, и различных формах коллективной процессуальной работы (семинары, лекции, мастерские и пр.) Глюкля и Цапля входят в рабочую группу «Что делать?».

Girls are always sowing something. Or embroidering. Or even just sowing on buttons. By making dress backs and cuffs, they create their own new image, or to be more precise, a form for their own ideal. These seamstresses are very serious: their goal is give form and boundaries to something that is only still showing through as a vague contour, a plump cloud of desires, urges, questions, yearnings, and all the rest – garbage and ideals.

Sasha: Yes, I'm an idealist, but I'm 17 years old, so I'm allowed. I still can't think any differently. Maybe that isn't too smart and it isn't really right, but how else can you live? To get into the daily grind? And then suddenly you're lost...

Tra-ta-ta: the sowing machine taps away. What shall we use to sew our ideals? This beautiful question, for example: Humanization is affirmed by the yearning of the oppressed for freedom, justice, and love and by their struggle to recover their lost dignity

The girls like the quote; they are ready to put their signature under every single word. What do these words mean? Maybe they are just tra-ta-ta-ta? Maybe the girls like this stuff because it flows as easily as a freshly placed seam? But if we stop and think about it, these words might actually take on a different meaning, one that concerns us personally.

HUMANISM:

Dasha: I think that humanism is when a person can and wants to show her or his goodness by doing good deeds and helping other people...

Sasha: It's when you stop seeing all the others as a mass. I'm surrounded by personalities just like me, or something even grander, who knows. But when you see the others as a faceless mass, it only leads to individualism; you can't pity others because you're so caught up in yourself.

Galka: Oh my...that's all very high...Humanism, Shmumanism...

FREEDOM:

Galka: So what'll it be, “freedom” or “the oppressed”?

Dasha: “Freedom”! That's much nicer...than “the oppressed”

Olga: Freedom for something or freedom from something? That's important too.

Dasha: And what do you think, is there such a thing as absolute freedom?

Galka: There's no such thing as absolute freedom! Even if we are one, we're still not free...

Anya: This is why society weighs so heavy on me...; loneliness weighs heavy...

Olga: Any person's freedom depends on where the other person's freedom begins...

THE OPPRESSED

Anya: So what do “the oppressed” mean to you?

Dasha: Those who have no freedom. Slaves.

Olga: If a person is oppressed, she or he is not a person, but almost a thing.

JUSTICE:

Galya: Oh my, justice!...Justice...

Olya: Everyone understands this in their own way, I guess...but there's some kind of set of principles, not principles...more like a life position according to which we probably judge actions, because in fact we're judging other people, even we don't want to, but it's impossible not to, basically...I think I'm lost, to be honest...

Dasha: There's this phrase – to each according to his ability. I think that's justice.

LOVE:

Sasha: I used to think that the meaning of life was love, but later I understood that it might actually not be. Then again, I love my friends so much that I'm not only ready to sacrifice my life for them, but other people's lives, too, and that's when things get tricky...

STRUGGLE:

Galya: Struggle is action, movement...

Dasha: The ability to prove something...

Olya: No, not to prove something, but to change it. To change yourself, most of all... This is why you have to fight against yourself first ...

Galya: Exactly. First you change yourself, and then you tell off the others!

DIGNITY:

Galya: Dignity is so difficult to put into words...

Olya: When a person has dignity, it seems like she or he is so positive; it's so nice to talk to them...

Galya: But when a person has no dignity, when he or she is all depressed, brooding, dark, he's lost everything...

Dasha: Seems to me like that's a totally immoral person. A person with no dignity doesn't care about love, freedom, struggle or anything else

Galya: And what do you think? Do I have a sense of dignity?

*****
The Factory of Found Clothing (Gluklya and Tsaplya), also known as FNO, is a group that was founded in 1996 by two Petersburg artists. The group's work examines the gender problematic in various media such as performances, installations, films, and various forms of collective-processual work (seminars, lectures, workshops, etc.). Gluklya and Tsaplya are members of the workgroup “Chto delat?”

Marta Gregorcic | Radical education: critical capacity to make choices and to transform our everyday reality

There is no disjunction between life, work, struggle, politics or education when, in our theory and praxis, we move beyond static and fetishised notions of the world. Even if we have learned otherwise all human creativities develop mutually within the same processes. By considering work, art and education separately, as distinct segments of our lives, we create a fundamental antogonism which cheats us of both life and doing. But this interconnectedness can only be fully grasped by emancipated subjects who are ready to struggle, ready to challenge the enforced reality of day to day life.

Paulo Freire’s *Pedagogy of the Oppressed* and *Education for Critical Consciousness* [1] Murray Bookchin’s and Daniel Chodorkoff *Social Ecology* [2], Ivan Illich’s *Deschooling Society*, John Holloway’s *Change the world without taking power* and Jacques Ranciere’s *The Ignorant Schoolmaster* [3] all offer authentic and responsible positions which open up our critical capacities to make choices and transform reality. The common starting-point for all these theorists is creativity – which can only be expressed by those who are engaging with the struggle to become emancipated and fully human. Their vision of education is truly radical as they regard it as inseparable from life and doing. This position is also inherently antagonistic to capitalism which, as the social ecologist Daniel Chodorkoff explains over simplifies life, or simplifies it to the absurd.

It is now more important than ever to invent and re-invent our humanity and radical or alternative ideas of education are a very important step in this path. That is why education now cannot be reflected without also reinventing revolution. We are not interested anymore in the revolution by the intervention of deus ex machina nor in the avant-garde that imposes its will from the outside. There is no outside, as there is no inside: there is only in-out, flooding in, against, and beyond. [4] Revolutions are taking place daily through multiple expressions of our creativity, imagination, insubordinations and disobedience, in the particularities which are moving and transforming us, in our palettes and our pockets, through spreading rhizomes and multiplicities of resistance. There are a multiplicity of bonds of solidarity, which have not yet been traversed, deconstructed or perverted by capitalism. That is why alternative and autonomous education, struggle and life cannot be encountered within institutions which buttress the capitalist flow of doing.

Some of the best theorists and practioners can be found in the struggles of Indigenous and precarious workers of Latin America such as Colectivo Situaciones and MTD de Solano in Argentina; [5] Movimento Sem Terra in Brazil; [6] the Zapatistas in Chiapas, Mexico; [7] the Mapuche in Chile and so on. All mentioned movements are simultaneously expressions of alternative art, education, culture and politics, which rise beyond neoliberalism. Instead of separating, alienating and demolishing human beings they are creating new art of human existence and doing.

Joseph Jacotot, a philosopher of universal education discovered that people have the capacity to teach what they do not actually know (for example he taught Flemish students French without any knowledge of Flemish himself). Through courageous struggle the Zapatistas are starting to teach things they did not know, they are reinventing the principles of education and struggle. While they are developing their autonomous politics (life and doing), they are moving towards wholeness and freedom, unity and diversity, non-hierarchical relations, mutations, fluctuations and homeostatic spontaneity. They are walking very slowly, as Zapatistas are fond of saying, but they are walking together. Education is the integral and fundamental part of the Zapatistas struggle. They have two main principles of education: *educar produciendo* (to educate by producing) and *educar aprendiendo* (to educate by learning). For the Zapatistas ‘no one teaches no one and no one learns alone’. [8]

There is only one more experience which arises out of the heterogeneity of recent struggles that is important for new and different vision of education, politics, culture and society: the *encuentro* (encounter). *Encuentro* opens up the politics of space and listening which emerges after the first scream of refusal. The Zapatistas never emphasize their theoretical contribution to the struggle, even if Zapatism has unquestionably inspired new theoretical fields for political analyses, practice and struggle. They are not constructing a new International; they don’t have uniform theoretical fields or standardized notions in the struggle against neoliberalism. They were on the contrary creating an *encuentro* within which junctures, connectivity, consciousness and consensus emerges. Through interplay, discussions, assemblies and magic realism they have been constructing places and spaces, where the possibilities of *encuentro* are being created.

Encuentro is not a political meeting place in the sense of radical academic conference or activist forum. It is the political space of falling in dialogue, analyses and direct actions, that obstinately and creatively recognizes unity through diversity, maintaining a respect for the heterogeneous proposals and practices which derive from different worlds of historical and political repression. Dialogue in itself is a co-operative activity involving respect. The process is important and can be seen as enhancing community. *Encuentro* as a strategy, process, space, meeting, or form of engaged art is feasible only by mutual recognition of the dignity of all participants. Only in such a manner is it possible to dream new horizons of the common collective: in art, in education and in society. Sometimes like stampeding cows, sometimes like well considered subjects in rebellion, we are learning how to realize *encuentro*.

The movements in Slovenia were searching for effective ways to struggle against capitalism. Various institutions and other state apparatus perverted our power-to into power-over, [9] and we were tricked, distorted, misunderstood and immobilized. Our discourse was perverted, adjusted and made docile. Then we started to listen to the whispering of engaged art rebellion by Zapatistas, Mapuche, and other movements in Argentina and Brasil and we started to create new places of autonomous political and cultural practices. We occupied abandoned houses and old factory in the center of the town and transformed them into elaboration of enormous activist and artistic project, which enabled true dialogue, encounters and imagination. Through this radical practice, which is a slap in the face for capitalism, we have succeeded in inventing autonomous universities dealing with art and politics, theory and practice, reinventing assemblies as the body of self-organization, and creating a ‘new’ politics for all marginalised groups and individuals in Slovenian urban and rural society.

In last six years movements in Slovenia have created assemblies for erased people [10], anti- racist assemblies, networks with immigrants and against deportations, peace and anti-NATO movements, mobilization for ecological questions and so on. All mentioned struggles were achievable because of the persistence of interdisciplinarity approaches and mutuality of engaged art, political doing and life that ventured to walk beyond capitalism without an exact destination or secure and defined path. Like the Zapatistas asking we walk.

Marta Gregorcic (1977), sociologist and activist, living in Ljubljana

Марта Грегорчич | Радикальное образование: критическая способность выбирать и изменять повседневную реальность

Не существует границ между жизнью, работой, борьбой, политикой и образованием, если мы, в нашей теории и практике, выходим за пределы статичных и фетишизированных представлений о мире. Все творческие способности человека взаимосвязаны и развиваются одновременно в одних и тех же процессах, даже если нас учили иначе. Рассматривая работу, искусство и образование отдельно друг от друга, как различные сегменты нашей жизни, мы создаем фундаментальный антагонизм, искажающий и нашу жизнь, и нашу деятельность. Но эту взаимопереплетенность могут полностью осознать лишь освобожденные субъекты, готовые к борьбе, готовые бросить вызов принудительной реальности каждодневного бытия.

Книги “Педагогика угнетенных” и “Образование для критического сознания” Пауло Фрейеры [1], “Социальная Экология” Мюррея Букчина и Даниэля Ходоркоффа [2], “Раз-образование общества” Ивана Иллича, “Изменить мир не забирая власть” Джона Холлоуэя и “Учитель-невежда” Жака Рансьера [3] предъявляют оригинальные и ответственные позиции, раскрывающие нашу критическую способность делать выбор и преобразовывать реальность. Общая отправная точка для всех названных теоретиков – это способность к творчеству, раскрыть которую могут лишь те, кто включен в борьбу за свободу, за человеческое во всей его полноте. Взгляд этих теоретиков на образование по-настоящему радикален, поскольку они не отделяют обучение от жизни и любой деятельности. Кроме того, такая позиция по самой своей сути враждебна капитализму, который, согласно социальному экологу Дэниэлю Ходоркоффу, упрощает жизнь до абсурда.

Сейчас более чем когда бы то ни было, важно изобретать и переизобретать наше человеческое, и на пути к этому требуются радикальные или альтернативные теории образования. Вот почему сегодня невозможно осмыслять образование, не пересматривая одновременно суть революции. Нам не нужна больше революция путем вторжения deus-ex-machina, или с помощью авангарда, навязывающего свою волю извне. Внешнего больше не существует, как нет и внутреннего: только вход-выход, включение в поток, сопротивление и движение впереди него [4]. Революции осуществляются каждый день в многочисленных воплощениях наших творческих способностей, воображения, неподчинения и послушания, в особенностях, которые движут нами и нас меняют, на наших палитрах и в наших карманах, через разрастание ризом и умножение сопротивления. Существует множественность узлов солидарности, которые еще не пересек, не деконструировал и не извратил капитализм. Поэтому альтернативное и автономное образование, борьбу и жизнь невозможно обнаружить в институтах, поддерживающих капиталистическую организацию деятельности.

Среди лучших теоретиков и практиков – те, кто участвует в борьбе за права коренного населения и рабочих в Латинской Америке, например, Colectivo Situaciones и MTD de Solano в Аргентине [5], Movimento Sem Terra в Бразилии [6], запатисты в Чиापасе, Мексика [7], Mapuche в Чили и так далее. Все упомянутые движения представляют собой сплав альтернативного искусства, образования, культуры и политики, которая восстает против неолиберализма. Вместо разделения, разобщения и уничтожения людей, они создают новое искусство человеческого существования и деятельности.

Жозеф Жакото, философ всеобщего образования, обнаружил, что люди могут преподавать то, чего на самом деле не знают. Благодаря самоотверженной борьбе, запатисты начинают обучать вещам, которых не знали сами, они переизобретают принципы образования и борьбы. Разрабатывая свою автономистскую политику (жизни и деятельности), они продвигаются к целостности и свободе, единству и многообразию, неиерархическим отношениям, изменениям, текучести и гомеостатической спонтанности. Они идут к этому очень медленно, как любят подчеркивать сами, но идут они вместе. Образование является неотъемлемой и фундаментальной частью борьбы запатистов. Два основных принципа их подхода: educar produciendo (обучать, создавая) и educar aprendiendo (обучать, учась). Для запатистов “никто никого не учит, и никто не учится в одиночку” [8].

Из гетерогенности недавней борьбы родился еще один опыт, важный для новых, альтернативных подходов к образованию, политике, культуре и обществу: encuentro (встреча). Encuentro раскрывают политику пространства и внимания, которое возникает после первых криков несогласия. Запатисты никогда не акцентировали свой теоретический вклад в борьбу, даже если запатизм бесспорно вдохновил новые теоретические поля политического анализа, практики и борьбы. Они не создают новый Интернационал, не разрабатывают единообразных теоретических областей или стандартизированных представлений о борьбе против неолиберализма. Напротив, они создают encuentro, внутри которых возникают соединения, связности, сознательность и консенсус. Через взаимодействие, дискуссии, собрания и магический реализм, они сумели разработать места и пространства, где были созданы возможности для encuentro.

Encuentro не являются местами политических встреч в смысле радикальной академической конференции, или активистского форума. Это политическое пространство вступления в диалог, анализ и прямое действие, настойчиво и творчески находящее единство через различие, обеспечивая уважение к гетерогенным предложениям и практикам, которые приходят из различных миров исторических и политических репрессий. Диалог сам по себе является совместной деятельностью, требующей уважения. Это существенный процесс, укрепляющий сообщество. Как стратегия, процесс, пространство, встреча или форма ангажированного искусства, encuentro становится возможной при совместном признании достоинства всех участников.

Словенские движения искали эффективные способы борьбы с капитализмом. Различные институты и госаппарат переиначили наши требования власти-для во власть-над [9], нас обманули, переврали, не поняли и обезоружили. Наш дискурс был искажен, отрегулирован и одомашнен. Тогда мы стали прислушиваться к шепоту ангажированных художественных бунтов запатистов, мапуче, и других движений Аргентины и Бразилии, и начали создавать новые места автономных политических и культурных практик. Мы оккупировали заброшенные дома и старые фабрики в центре города, и превратили их в места разработки масштабного активистского и художественного проекта, который сделал возможным подлинный диалог, встречу и воображение. Через такую радикальную практику, ставшую пощечиной капитализму, мы успешно создали автономные университеты, занимающиеся искусством и политикой, теорией и практикой, заменившие собрания органами самоорганизации и создающие “новую” политику для всех маргинализированных групп и индивидов городского и сельского общества Словении.

За последние шесть лет, движения в Словении создали советы для “стертых” людей [10], анти-расистские советы, анти-депортационные сети для иммигрантов, движения за мир и против НАТО, мобилизовали дискуссии об экологических проблемах и так далее. Вся описанная борьба стала возможной благодаря упору на междисциплинарный подход и взаимозависимость ангажированного искусства, политической деятельности и жизни. Мы отправились в путь за границу капитализма, не выбрав конкретного пункта назначения или определенного, безопасного маршрута – подобно запатистам, мы движемся, вопрошая.

Марта Грегорчич (1977), социолог и активист, живет в Любляне

Footnotes | Примечания:
1. Freire, Paulo, “Pedagogy of the Oppressed”, London: Penguin, 1972.
2. Bookchin, Murray, “Remaking Society: Pathways to a Green Future”, Chodorkoff, Daniel. “Education for Social Change”, 1998, on <http://www.boinklabs.com/pipermail/anoked-l/1998-December/000155.html>
3. Ranciere, Jacques, Le maître ignorant. Librairie Arthème Fayada, 1987.
4. More on this see Holloway, John: “Change the world without taking power: the meaning of the revolution today . London”, Pluto Press, 2002.
5. Colectivo situaciones and MTD de Solano. Contrapoder: una introduccion. Colectivo situaciones and MTD de Solano. Hipotesis 891. Buenos Aires. De Mano en Mano. 2002.
6. <http://www.mstbrazil.org/>
7. Subcomandante Insurgente Marcos. “Un pinguino en la selva lacandona.” I and II. July, 2005, on <http://www.ezln.org/documentos/2005/pinguino1.htm>
8. Nadie educa a na die y nadie se educa solo!
9. See Holloway 2002.
10. Erasure was a systematic state action. Erased are around 1% of population in Slovenia who were erased from the Registry of Permanent Residents of the Republic of Slovenia in 1992. Slovenian government is still ignoring the consequences which bring erasure to around 18.305 people in Slovenia.

Dario Azzellini & Oliver Ressler

Self-Organization and Self-Education in Venezuela

Thinking about positive forms of organization and education leads us directly towards recent developments in Venezuela, which have taken place in various social and political spheres since Hugo Chávez won the presidential elections in 1998. Venezuela is maybe the most inspiring example to highlight possibilities a State nowadays has in globalized capitalism in order to make the participation of the people in decision-making processes possible or to support existing forms of self-organization throughout the society.

Sites for self-organization in Venezuela were at the beginning the “Bolivarian Circles”, kinds of neighborhood organizations in which people meet and take responsibility for different social and cultural matters. “Bolivarian Circles” differed from traditional social oriented organizations, because their aim is political and ideological self-education in order to defend and continue the “Bolivarian Process”. “Bolivarian Circles” were grassroots organizations, which had to be founded from at least seven individuals who agreed on certain agendas and working modes. One year after the Venezuelan people prevented the coup d’état against the democratically elected president Chávez, in 2003, around 2.5 million individuals all over Venezuela organized themselves in “Bolivarian Circles”. Since then forms of organization changed, following the needs of the people and of the process of social transformation. The “Bolivarian Circles” are not anymore the main organizational form, but nowadays even more people are organized in grassroots organizations of different types.

In order to fight the existing social deficits in the education system, for which the corrupt former governments are responsible, Venezuela introduced a new system of free public education, which is restricted to get privatized through the Bolivarian Constitution, which after Chavez’ election was introduced through a national referendum in 1999. Through the extension of the school system and the abolition of school fees additional 1.5 million children had the opportunity to attend school. Thousands of new schools were constructed or abandoned ones renovated, which are then called “Bolivarian Schools”. In this type of schools pupils stay the whole day over, get up to three meals and the possibility to participate in a comprehensive sports- and culture program. The teaching methods in “Bolivarian Schools” are based on concepts of liberation pedagogy.

In order to give older impoverished people, who have been excluded by the ruling elites from schools, a chance for free education, “missions” are being founded all over the country. “Mision Robinson” is a literacy campaign starting in 2003, which teaches individuals older than 10 years how to read and write. These marginalized individuals in the courses are supported with grants over 100 USD per month, so that they can afford to participate. “Mision Robinson” is based on the teaching method of the Cuban pedagogue Leonela Relys, who got decorated by the UNESCO for her method to teach illiterates reading and writing in two months only. The success rate is 97 per cent; students, who don’t learn reading and writing in these two months, get a chance to repeat the class. The video-based teaching concept “Yo si puedo” (“Yes, I can”) was adopted for “Mision Robinson” according to the Venezuelan context. It leads from the known (numbers) to the unknown (letters) and is based on an integrated method in three steps: Exercise, teaching of reading and writing and consolidation. In a snowball-procedure 70 Cuban pedagogues educated more than 125.000 volunteers as educationists, who traveled throughout the country and organized courses. In October 2005 the UNESCO announced, that Venezuela succeeded to extinguish illiteracy. 1.482.533 people – 55 per cent women – learned reading and writing. They have now the possibility to continue their education in “Mision Ribas”. In 2006 about two million people participated in “Misiyn Ribas” to earn a high school diploma, which gives them the right to study at a university. “Misiyn Sucre” provides grants to ten thousands of poor students who want to study at the newly founded Bolivarian universities. The students in “Mision Sucre” are required to carry out social projects in their communities as part of their studies, in order to learn a kind of ethic of the collective. It is also an aim of the education programs to train skilled personnel for the necessary transformation processes. These programs lead to a democratization of education and convey knowledge, which in the earlier decades was only accessible to the privileged classes.

In a “participative and protagonist democracy” participation should of course not stop at the economic sphere. While the economic system in Venezuela as a whole can still be considered a capitalist one, nowadays there are a variety of models, which aim to involve workers in the decision-making processes in enterprises. The most successful examples of worker co-management or worker self-management can be found in shut down factories, which have been reactivated through the struggles and initiatives of the workers. The workers organize themselves in cooperatives, apply for loans from the State, and try to find legal frameworks, which allow them to start the production again. The workers make all major decisions in assemblies, and as “social production companies” (EPS) they spend 10 per cent of their gains in the communities and help setting up cooperatives to form “productive chains” in order to switch away from an export orientated model to an internal development based on the own strengths and needs.

Sources: Dario Azzellini, Venezuela Bolivariana – Revolution des 21. Jahrhunderts?, 2006

Further information: www.ressler.at www.azzellini.net

Дарио Аззеллини и Оливер Ресслер

Самоорганизация и самообразование в Венесуэле

Размышления о позитивных формах организации и образования заставляют нас обратиться непосредственно к недавним наработкам Венесуэлы, появившимся в различных социальных и политических областях с 1998 года, когда на президентских выборах победил Уго Чавес. Венесуэлла, возможно, представляет наиболее вдохновляющий пример того, какие возможности имеет государство сегодня, в условиях глобального капитализма, чтобы дать людям участвовать в процессе принятия решений или поддержать уже существующие в обществе формы самоорганизации.

Самоорганизация в Венесуэле сначала разворачивалась в “Боливарских кругах” – соседских организациях, в которых люди встречались, брали под свою ответственность различные социальные и культурные вопросы. “Боливарские круги” отличались от традиционных социально-ориентированных организаций, поскольку ставили целью политическое и идеологическое самообразование ради защиты и продолжения “Боливарского процесса”. Это были низовые организации, для формирования которых требовалось как минимум семь человек, договаривавшихся по повестке вопросов и рабочему регламенту. Спустя год после того, как народ Венесуэлы предотвратил государственный переворот против демократически избранного президента Чавеса (2003), около 2,5 миллионов людей по всей стране состояли в “Боливарских кругах”. С тех пор форма организации изменилась, следуя за нуждами людей и процессом социальных преобразований. “Боливарские круги” более не являются главной организационной формой, однако еще больше людей сегодня входят в низовые организации различных типов.

Для преодоления существующего социального дефицита в образовательной системе, возникшего по вине предшествовавших коррумпированных правительств, в Венесуэле введена новая система государственного образования, которая не может быть приватизирована согласно Боливарской Конституции, принятой на всенародном референдуме в 1999 году, после выборов Чавеса. Благодаря расширению системы школ и отмене платы за обучение, еще 1,5 миллиона детей получили возможность посещать школы. Тысячи новых школ появились в ходе строительства новых и реконструкции заброшенных зданий. В этих школах, которые зовут теперь “Боливарскими”, ученики остаются весь день, питаются до трех раз, и участвуя в широких спортивных и культурных программах. Методы преподавания в “Боливарских школах” основаны на концептах освободительной педагогики.

Чтобы дать возможность более взрослым малоимущим людям получить бесплатное образование, по всей стране организованы “миссии”. “Mision Robinson” – кампания за грамотность,

начавшаяся в 2003 году, учит людей старше 10 лет читать и писать. Эти маргинализированные граждане поддерживаются грантами свыше 100 долларов в месяц, дабы они смогли принять участие в программе. Подход “Misiyn Robinson” основан на методике кубинского педагога Леонелы Релис, чья программа обучения неграмотных чтению и письму всего за два месяца была удостоена награды ЮНЕСКО. Программа приносит успех в 97% случаев; студенты, не освоившие грамоту за два месяца, получают возможность повторить курс. Концепция видео-обучения “Yo si puedo” (“Да, я могу”) была адаптирована в “Mision Robinson” под венесуэльский контекст. В ней учащиеся идут от известного (числа) к неизвестному (буквы); основана она на комплексном трехступенчатом методе: упражнения, обучение чтению и письму, и консолидация. Избрав подход “снежного кома”, 70 кубинских педагогов подготовили более 125 тыс. волонтеров в качестве педагогов-теоретиков, которые затем ездили по стране, организовывая курсы. В октябре 2005 года ЮНЕСКО объявило, что Венесуэлла добилась победы над безграмотностью. Читать и писать научились 1482533 человек, 55% из которых – женщины. Теперь они могут продолжить образование в “Mision Ribas”, дающей право обучаться в университете. В 2006 году в этой программе участвовали около 2 млн. человек. Десять тысяч малообеспеченных студентов, желающих учиться в новообразованных Боливарских университетах, получают гранты через “Mision Sucre”. В качестве части образовательного процесса, студенты этой программы должны осуществлять социальные проекты в своих локальных сообществах, дабы изучить этику коллективности. Другой задачей образовательных программ является подготовка квалифицированного персонала для проведения необходимых преобразований. Эти программы нацелены на демократизацию образования и транслируют знание, которое в предшествующие десятилетия было доступно только привилегированному классу.

В рамках “демократии участия и представительства”, участие не должно, разумеется, ограничиваться экономической сферой. Хотя экономическая система Венесуэлы в целом остается по-прежнему капиталистической, сегодня появилось множество моделей, нацеленных на вовлечение рабочих в принятие решений на их предприятиях. Примеры наибольшего успеха рабочего самоуправления или со-управления представляют фабрики, чья деятельность после закрытия возобновилась благодаря борьбе и инициативе рабочих. Рабочие самоорганизуются в кооперативы, берут займы у государства и пытаются найти законные условия для продолжения производства. Все важнейшие решения принимаются рабочими на собраниях. Как “общественно продуктивные компании” (EPS), они пускают до 10% своих доходов на нужды сообществ, помогают открывать кооперативы для создания “производственных цепочек”, с целью перейти от экспортно-ориентированной модели к внутреннему развитию, основанному на собственных силах и потребностях.

Источнику: Dario Azzellini, Venezuela Bolivariana – Revolution des 21. Jahrhunderts?, 2006

Более подробная информация: www.ressler.at, www.azzellini.net

ЯЗБУКА СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА КОПЕНГАГЕНА

ДВИЖЕНИЯ

Black Mountain College, New Experimental College, Drakabygget, the Spontaneous University, New York Free University, London Anti-University, Berlin Kriticher Universität, Detroit Artists' Workshops.

НЕСЧАСТНОЕ СОЗНАНИЕ

На заднем плане шумит двигатель.

ЖЕЛАНИЕ

Стать единым, стать многими. Я и я.

МАССОВАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ

Свободный университет Копенгагена начал дискуссию о том, кто и что определяет сегодня знание и отношения между знанием и жизнью. Наша работа основывается на понимании общественного характера знания и того, что любые формы человеческой деятельности обусловлены уровнем знаний. Как писал в своих тюремных дневниках от 1932 года Антонио Грамши, “Все являются интеллектуалами <...> но не всем выпало исполнять роль интеллектуала в обществе”.

ПОЛЕМИКА

Ударил-исчез.

КОЛЛЕГИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Свободный университет Копенгагена является сферой интереса, возникающей как результат материальной жизни, которой мы живем, и всегда-уже политизированной – до любого гражданства. Наша оптика одновременно локальна и глобальна, мы ищем дружественных путешественников за углом и по всему миру.

БАРДАК

Во вторник, 20 ноября 2001 года, в Дании прошли всеобщие выборы, итоги которых стали естественным следствием десятилетия повсеместного распространения в датском обществе ксенофобии и расизма: к власти пришло правительство, основанное на поддержке крайне правых. Этот бардак тем более требует разработки независимых институций и новых форм политического языка для культуры.

НЕЭКОНОМИЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Усилие, направленное на трату времени вне капиталистического производства – бегая вверх по идущему вниз эскалатору, бесцельно блуждая по городу, отводя день на сон, погружаясь в мечтания, и тд, и тп. Это не отдых – отдых стал частью цикла продуктивного поведения – это славная растрата.

СЕТИ

“И я сделаю” (“And I will do”) – почти полнофункциональная европейская сеть распространения видеофильмов, сделанных женщинами. Это почтовый видеопроект, обмен посланиями. Если вы женщина, вы снимаете видео, и вам хотелось бы показать свои работы другим женщинам-видеохудожникам в Европе и США, а также увидеть их фильмы, это легко. Пошлите мне копию своего видео в хорошем качестве, и я запишу его на сборник вместе с 10 другими фильмами. Все авторы включенных в сборник видео получают копию. Вебсайт: www.andiwilldo.net.

ДЕНЬГИ

Вся Власть на запаха жженных денег.

ГОРНОЛЫЖНЫЙ СПУСК

Давайте соорудим трассу между страстью и логикой.

ГЛУХОМАНЬ

Главное сражение разворачивается в полной глуши. Прямого пути тут нет; направления появятся по мере нашего продвижения сквозь глухомань невротических социальных отношений, озадаченных пробуждений утром, непрозрачной бюрократии, мертвого груза интеллекта, нехватки денег при расплате в супермаркете. Как писал Маркс, “Революция, которая обнаруживает здесь не конец, но свое организационное начало, не окажется недолговечной.”

ЦЕННОСТЬ

Решение открыть университет было принято, поскольку мы хотели быть вовлечены в социальные процессы, которые касались бы валоризации знания в обществе. Университет работает подобно банку – обе институции обеспечивают систему ценности. Свободный университет Копенгагена обеспечивает широкий набор персональных, импровизированных и политизированных форм знания, встроенного в окружающие нас социальные практики – формы знания, которые мы стремимся сделать эксплицитно социальными, и создать вокруг них сообщества.

ИЗЛИШЕК

Эволюция искусства никогда не являлась результатом художественной критики или любого отбора на качественных основаниях, но результатом количественного изобилия. Поэтому, любой художественный отбор, как бы хорош ни был его принцип, репрессивен по отношению к эволюции искусства.

ИСХОД

(Слушайте песенку Боба Коллинза)

ПРОЗРАЧНЫЙ БЕТОН

Вся власть прозрачному бетону.

СОН

Свободный университет – это институция, организованная художниками и направленная на выработку критического сознания и поэтического языка. Мы не принимаем так называемую новую экономику знания в качестве структурирующей модели понимания последнего. Формы знания, с которыми мы работаем непрочны, текучи, шизофреничны, бескомпромиссно субъективны, неэкономичны, акапиталистичны, сделаны на кухне, сделаны во сне или пробуждены в социальных движениях – коллективно.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы оба сидим за столом, руки под ногами, мы ждем, когда принесут поесть. Не уверен, стоит ли мне заговорить, но вот она сама начинает беседу и показывает на предметы на полке, хотя я не знаю, выражение это, или слово. Я стараюсь записывать ее слова, но угнаться за ней нелегко. Иногда я произношу то да се, а позже понимаю, что прозвучал вопрос, а не имя. Я представляю, каково было бы учиться у нее датскому, а потом понимаю, насколько я должно быть разочаровывающе выгляжу – взрослый, который не может ответить на ее вопросы. Не уверен, что ей будет интересно учить меня, если я не смог поддержать обмен сейчас, когда она сама хотела.

ИСКУССТВО

Дорогой Свободный университет Копенгагена!

Видел вашу выставку в Вене, мне понравился проект, обрисованный в ваших брошюрах. Продолжайте верное дело! Сейчас я пишу диссертацию по Сартру, и среди прочих положений, доказываю радикальный освободительный потенциал его литературных сочинений. Важно, чтобы левая эстетическая теория и практика преодолела мнение, что искусство является простым выражением буржуазной идеологии (а стало быть, капитализма). Необходимо видеть в искусстве сущностные освободительные качества.

А что вы ребята думаете по поводу современного джаза?

С наилучшими пожеланиями, Сэм.

ЖИТЕЙСКИЕ БУДНИ

Наша работа, как правило, плотно связана с нашей ежедневной жизнью. Свободный университет Копенгагена, на самом деле, располагается и функционирует внутри структур нашей квартиры и домашней экономики. В Свободном университете нет мраморных колонн и впечатляющих архитектурных решений, зато в наличие весь тот беспорядок и бардак, в котором обычно и живут люди.

ГРАЖДАНСТВО

Что если вы не похожи на вменяемого гражданина? Что если ваша речь не имеет смысла в публичном пространстве?

ИСХОД

Активное неприятие существующих при капитализме социальных отношений, зачистка от средств поддержки оных и создание альтернативы. Не прямая оппозиция или отрицание, а незамедлительная эвакуация.

КОМЕДИЯ ПОЛОЖЕНИЙ

САМООБРАЗОВАНИЕ

В качестве модели Свободного университета мы взяли, переработав, принцип прямого, неопосредованного обмена знанием между людьми, что является механизмом социальных изменений. Мы надеемся, что вместо мечтаний об учебе в Свободном университете Копенгагена, Анти-университете Лондона, Спонтанном университете или Свободном университете Нью-Йорка, вы откроете там, где живете свой собственный университет, основываясь на знании, имеющимся в ваших кругах.

СУМАШЕСТВИЕ

Язык сумасшествия это бесконечное перетекание слов в действия, до тех пор, когда само слово станет чистым действием.

ПРОГРЕСС

В биографии шведской художницы Карин Ларссон (1859-1928), наряду с обычным анализом работ, упоминается, что она обычно ставила кастрюлю с вареной картошкой прямо на стол! Получается, Карин не перекладывала картошку в тарелку, а подавала сразу в кастрюле. Эту историю рассказала автору биографии одна из домработниц семьи Ларссон, и для домработницы это был примечательный момент. Абсолютная практичность: минимизируется количество грязной посуды. Более того, картошка остается теплой, а если переложить в холодную тарелку, она остынет; можно, конечно, тарелку сперва подогреть, но это потребует дополнительных усилий. А так на стол просто подается кастрюля, и все неожиданно становится много проще. Одна нехитрая мелочь для семьи Ларссон – одна важнейшая мелочь для всего человечества. Возможно, конечно, такое видели и раньше, но уж точно не часто – маленькая шведская деревушка была удивлена.

ЯЗЫК

Наша жизнь в языке похожа на путешествие в загрязненном воздухе.

АРХИТЕКТУРА

Жизнь в Свободном университете Копенгагена, впечатления гостя:

Моя комната устроена таким образом, что одна дверь ведет из нее прямо на улицу, на крыльцо, а другая, сдвижная, является непосредственно входом в дом. Находясь здесь, чувствуешь себя отделенным от остальных жильцов. Можно уходить и возвращаться, оставаясь незамеченным (хотя я не практиковал это). Я предпочитаю оставлять сдвижную дверь открытой, чтобы лучше слышать происходящее в доме и запах готовки. Сложно сказать, как много времени я провожу с соседями, но у нас действительно есть общее место тусовки, а мне нравится, когда кто-то заглядывает ко мне сквозь дверной проем.

МОМЕНТ РЕЧИ

Было абсолютно социальным действием произнести: “Давайте откроем университет”, и как только мы учредили Свободный университет Копенгагена, сразу же пришло в движение множество дискурсивных сил внутри и вокруг этого института самообразования.

МАНИФЕСТ

Сегодня пишется огромное количество манифестов, пропагандирующих различные формы ready-made субъективностей, жаждущих власти. Наше намерение состояло в том, чтобы создать силу, которая отказывается занять властное положение.

ПЫЛЬ

Обычная домашняя пыль – это смесь высохших кусочков насекомых, чешуек человеческой кожи, лохмотьев ткани, минеральных веществ, семян, пыльцы, перьев, волос, крови, экскрементов и многих других составляющих.

ЗВЕЗДНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК

Свободный университет Копенгагена – это временное автономное учреждение, которое на некоторый период собирает и оформляет сообщество индивидуальностей вокруг определенной борьбы. Рано или поздно, Свободный университет самораспустится ради создания более неформальных сетей и перераспределения власти. Такая стратегия временного действия и последующего роспуска автономных институций получила название “звездного фейерверка”.

Спасибо: Emma Hedditch, Anthony Davies, Ian Trowell, Howard Slater, Johnny Spencer, Asger Jorn, David Cooper.

Henrietter Heise & Jakob Jakobsen, 2002 –

http://copenhagenfreeuniversity.dk

THE ABZ OF THE COPENHAGEN FREE UNIVERSITY

MOVEMENTS

Black Mountain College, New Experimental College, Drakabygget, the Spontaneous University, New York Free University, London Anti-University, Berlin Kriticher Universität, Detroit Artists’ Workshops.

UNHAPPY CONSCIOUSNESS

A motor running in the background.

DESIRE

They never mentioned that learning could be a matter of a ‘desire to’ or a ‘desire for’. No. They left it so that we did not know what our desires could be until it was to late, until we desired the job and became emotionally attached to it.

SUBJECTIVITY

Become one, become many. I and I.

MASS INTELLECTUALITY

With the Copenhagen Free University we have opened a discussion about who and what define knowledge today and the relationship between knowledge and life. Our work is based on the understanding, that knowledge is social and that all forms of human activity carries a level of knowledge. As Antonio Gramsci wrote in his prison diaries from 1932: “All are intellectuals [...] but not all have the function of the intellectual in society”.

CONTESTATION

Strike and disappear.

FELLOW TRAVELLERS

The Copenhagen Free University is a sphere of interest arising from the material life we experience and will always already be politicised before any citizenship. Our scope is both local and global, looking for fellow travellers around the corner and around the world.

MESS

Tuesday November the 20th 2001 a general election took place in Denmark and what materialised was the natural consequence of a decade of commonly accepted xenophobia and racism in the Danish society: a government based on the support of the far right is now a reality. This mess is raising even more demands to the development of independent institutions and new forms of political language in culture.

UNECONOMICAL BEHAVIOUR

The effort to spend time outside capitalist production - by running up the down escalator, by walking aimlessly around the neighbourhood, by sleeping through the day, by daydreaming, etc. etc. This is not leisure - leisure is part of the cycle of productive behaviour - this is glorious waste.

NETWORKS

‘And I will do’ is almost a fully functioning distribution network for women making videos in Europe. It is a correspondence video project, like an envoy from another city. If you are a woman video maker, who would like to show your work to other women video makers in Europe and the U.S.A. and see the work of other women video makers, you can. If you can send me a good copy of your video, I will transfer it onto a compilation tape, with 10 other videos. Everybody on the tape will receive a copy. Url: www.andiwilldo.net.

MONEY

All Power to the smell of burnt money.

SKI SLOPE

Let’s open a ski slope between passion and logic.

WILDERNESS

The crucial struggle is the struggle in the wilderness. There is no direct route; directions will come as we go through the wilderness of confused mornings, of neurotic social relations, of opaque bureaucracy, of mental dead weight, of lack of money at the supermarket check-out. As Marx wrote: “The revolution, which finds here not its end, but its organisational beginning, is no shortlived revolution.”

VALUE

The decision to open a university was made because we would like to get involved with the social processes which deals with the valorisation of knowledge in a society. A university works like a bank; both guarantee a system of value. The Copenhagen Free University guarantees a wide array of personal, improvised and politicised forms of knowledge embedded in social practises around us - forms of knowledge we would like to make explicitly social and create communities around.

SURPLUS

The evolution of art has never been results of art critique or any selection based on quality, but of quantitative abundance. Therefore is all artistic selection, no matter how fine it might be, repressive for the evolution of art.

EXODUS

(Listen to a Bob Collins groove)

TRANSLUCENT CONCRETE

All power to translucent concrete.

SLEEP

The Free University is an artist run institution dedicated to the production of critical consciousness and poetic language. We do not accept the so-called new knowledge economy as the framing understanding of knowledge. We work with forms of knowledge that are fleeting, fluid, schizophrenic, uncompromising subjective, uneconomic, acapitalist, produced in the kitchen, produced when asleep or arisen on a social excursion – collectively.

RESEARCH

We are both sitting at the table, with our hands under our legs, waiting for the food to arrive. I am not sure if I should speak, anyway she starts talking and pointing at things on the shelf, but I don’t know if it is an expression, or a word. I try to copy what it is she is saying, but it is hard to keep up. I do say a couple of things, but later I realise that it was a question, not a name. I imagine what it would be like if I learnt to speak Danish from her, and then I imagine how disappointing I must be, as an adult that cannot answer her questions. I am not sure that she would be interested in teaching me, if I was not able to have an exchange with her at this point in time, when she was willing to.

ART

Dear Copenhagen Free University

Saw your exhibition in Vienna and was in sympathy with the project you outline on your leaflets. Keep up the good work! I’m doing a thesis on Sartre and am arguing, amongst other things, for the potentially radically emancipatory nature of his literary writings. It’s important that left aesthetic theory and production get beyond simply seeing art as an expression of bourgeois ideology (and hence capitalism). It has to be seen as having intrinsically emancipatory qualities.

What do you people feel about modern jazz?

Best wishes Sam.

EVERYDAY LIVES

Our work is usually closely connected to the daily life we live. The Copenhagen Free University is, in fact, situated and functions within the framework of our flat and household economy. The Free University has not got any marble columns or any spectacular architecture, but has all the mess and irregularities of a place where people live.

CITIZENSHIP

What if you don’t feel like a sensible citizen? What if your language is not making sense in the public sphere?

EXODUS

The active refusal of the present social relations of capitalism, an evacuation of it’s means of support and the construction of an alternative. Not a direct opposition or negation, but the immediate evacuation.

SITCOMS

SELF-INSTITUTION

The model of The Free University is one we have taken up and reworked, and is based on a direct unmediated exchange of knowledge between people as vehicle of social change. It is our hope that you instead of dreaming of the Copenhagen Free University or London Anti-University or the Free University of New York or the Spontaneous University, go where you live and establish your own university drawing on the knowledge in your networks.

MADNESS

The language of madness is the perpetual slipping over of words into acts until the moment when the word is pure act.

PROGRESS

In a biography of the Swedish artist Karin Larsson (1859-1928), it is mentioned, along with a review of her works in a traditional sense, that she used to place the saucepan in which

the potatoes were boiled directly onto the table! That is, she did not pour the potatoes into a bowl, but rather let them stay in the saucepan. It was one of the Larsson family’s maids who had told this to the author of the biography, and for the maid it was a noteworthy act. How entirely practical, thus reducing the number of dishes that needed to be washed. And not only that: the potatoes also retained their warmth, which they do not when you pour them into a cold bowl - you could of course choose to warm the bowl first, but that would also demand extra effort. In a jiffy, the saucepan is placed on the table, and suddenly a work process is simplified. One small jiffy for the Larssons - one giant jiffy for (wo)mankind. Well, maybe it had been seen before, but obviously not so often as to prevent this from arousing surprise in a small Swedish village.

LANGUAGE

Our life within language is like a journey within polluted air.

ARCHITECTURE

Living at the Copenhagen Free University – an account from a guest:

My room is built in such a way, that it has both a door that leads directly to the outside, the stairs, and another sliding door which is the entrance to the home. You could be here, but feel quite separate from the rest of the household. You could also come and go without the others knowing (not that I have done that) I prefer to keep the sliding door open, then I get to hear more of the rest of the house and smell the cooking. It is hard to tell how much I spill out, but there is definitely a place where we all combine, and I like it when somebody pops their head around the door.

SPEECH ACT

It was a solely social act to say “Let us open a university” and as we opened the Copenhagen Free University right away lots of discursive forces came in motion in and around this self-institution.

MANIFESTO

Today there are loads of manifestos being produced promoting all sorts of ready-made subjectivities wanting to become government. Our intention was to produce a power that refuses to become government.

DUST

Ordinary house dust is a mixture of dead insect parts, flakes of human skin, shreds of fabric, minerals, seeds, pollen, feather, hair, blood, excrement and many other materials.

STARBURST

The Copenhagen Free University is a temporary self-institution that for a period of time gather and formalise a community of individuals and groups around a certain struggle. Sooner or later the CFU will abolish itself with the intention of the formation of more informal networks and a redistribution of power. This strategy of temporary formation and subsequent abolition of autonomous institutions has been called the starburst strategy.

Thanks to Emma Hedditch, Anthony Davies, Ian Trowell, Howard Slater, Johnny Spencer, Asger Jorn and David Cooper.

Henriette Heise and Jakob Jakobsen, 2002 –

<http://copenhagenfreeuniversity.dk>

Г Р У П П А   К Э Т

МАНИФЕСТ ШКОЛЫ СВОЕВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Школа учит всегда слушаться учителей. Все школы, колледжи, академии, институты, университеты, которые учат нас маршировать и ходить по прямой, давно спровоцировали себя, и забыли где знания. Теперь они дают уроки по выживанию в современности, уроки по выживанию в ситуации конца истории, уроки логики капитала. Человек учится в школе зарабатывать деньги и удовлетворять свои потребности.

ИСТОРИЯ учит нас, что она создается не нами, а ЮКОСом и тампаксом.
ГЕОГРАФИЯ — что природа состоит из ресурсов и полезных ископаемых.
БИОЛОГИЯ — что жизнь лишь форма существования белковых тел.
ФИЛОСОФИЯ — ненавидеть мысль.
ХИМИЯ — формуле спирта.
ФИЗИКА — по какой траектории летит снаряд.
РИСОВАНИЕ — что мы не умеем рисовать...

Выставки делаются деньгами и показываются на выставках — деньги. В школах учат считать чистую прибыль и писать заявления. Общество общается с нами в одностороннем диалоге на языке денег. В школах нас учат, что у нас нет своего языка, что наш язык — язык Пушкина, Толстого и Маяковского. Пушкин, Толстой и Маяковский давно продают китайское трико на барахолке и учат языку торгашей.

Мы категорически отвергаем такой “диалог”. Мы открываем школу своеговременного искусства, что бы учиться говорить и учить говорить. Деньги строят дворцы культуры и замки благосостояний, в которых человек играет второстепенную роль, как необходимое условие для их существования. Человек — это вторая природа, которую обрели для себя деньги. Культура показывает ущерб, нанесенный человеку миром товаров и этот ущерб становится уже невозполнимым. Культура потеряла право на производство истины и красоты. Истину производит телевидение и медиа, красоту — реклама. Культура оставляет искусству подвалы. Наша школа провозглашает выход из подвалов. Школа своеговременного искусства — это претензия на производство истины. Наша школа манифестирует своевременное искусство, которое против культуры товаров и денег. Наша школа это не протест, мы не требуем ничего, мы открываем новую эпоху двухстороннего диалога. Мы — неучтенные в этой войне угля и мандаринов, мы — первичный бульон, в котором должен развиваться цивилизованный рынок, мы — дезертиры армии культуры, объявляем о своем праве на речь. Когда нам говорят, что страна нуждается в сильной армии, вместо творческого образования — мы можем только посмеяться в ответ. Мы можем не только раз посмеяться. Мы будем долго смеяться.

Нашему смеху принадлежит будущее!

Мы не будем учиться вашей культуре, КУЛЬТУРЕ ведения войн с мирными целями, КУЛЬТУРЕ созидания оружия массового уничтожения, КУЛЬТУРЕ, которая вещает истину в прямом эфире без права на возражения.

“Что же вы предлагаете взамен?”, — в который раз спросит распухший от потребленной культуры бюрократ, с томиком Пушкина в кармане.

“Ы-ы-ы-ы-ть!” — будет единственным ответом. Пушкин заточен в тюрьму своих книг и если бы он был на свободе, он бы громче всех кричал “Ы-ы-ы-ы-ть!”

Д Е К Р Е Т

О СВОЕВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Своевременное искусство — искусство неучтенных сообществ, искусство групп, которые не имеют языка, чтобы высказать ущерб нанесенный им существующей культурой.

Своевременное искусство — одновременно обретение языка и его изменение.

Неучтенные группы обретают язык не для того, что бы выражать ущерб или протестовать. Самоорганизованный и самоучережденный язык неучтенных групп является претензией неучтенного дискурса на участие в истории и на производство истины.

Своевременное искусство не имеет автора, его тело — это коммуникация участников внутри группы, его произведение — результат коммуникации выносимый наружу. Произведение своеговременного искусства не имеет материальной ценности — это своего рода уведомление зрителя о существовании новых принципов функционирования общества, которые были осознаны в группе. Попадая на выставку или акцию, зритель неизбежно становится участником, так как авторство распространяется на всех, кто воспринял новый принцип.

Своевременное искусство — политическое искусство. Своевременное искусство претендует на определение истины, как активной составляющей искусства и отрицает истину, как пассивно принятое извне обстоятельство. Претензия своеговременного искусства на глобальное присутствие своеговременного искусства в жизни и определение им жизни. Политическое требование своеговременного искусства: “Ы-ы-ы-ы-ть!”

Своевременное искусство — радикальное искусство. Культура предлагает в качестве истины возвышенные и абстрактные идеалы (или не предлагает), но во время принятия ответственных политических решений культура говорит языком денег. Своевременное искусство радикально придерживается своего языка, который является объективированными стремлениями субкультур к формулированию истины. Своевременное искусство выражает ценности и интересы рабочих интеллектуального труда. Рабочих, которые продают отныне не свое время, а свои мысли. Ранее рабочий продавал рабочую силу и результат его труда отчуждался, сегодняшний рабочий продает свою способность мыслить и учиться — отчуждается его творчество.

Своевременное искусство воплощает своим существованием творческое непрофессиональное самообразование, целью которого является не приобретение профессиональных навыков, следовательно, способности продавать свои знания, а способность приобретать знания и передавать их другим.

Группа САТ была основана в 2003 году в Новосибирске Екатериной Дробышевой - социологом, Максимом Неродой – художником и Артемом Лоскутовым - политическим активистом. Стала известна благодаря организации целого ряда акции в городском пространстве:

“Монстрация” (2004, 2005) – выход на Первомайскую демонстрацию с абсурдистскими лозунгами и плакатами.

“Учиться, Учиться и еще раз Учиться” (2004) – уличная вечеринка в защиту бесплатного образования, проведенная у памятника Ленина.

“Свобода, Равенство, Пиратство” (2004) – блокирование рекламной акции по обмену и уничтожения пиратской продукции.

полная информация на сайте www.monstration.narod.ru

CAT GROUP

MANIFESTO OF THE SCHOOL FOR TIMELY ART*

Schools always teach us to obey our teachers. All schools, colleges, academies, institutes, and universities that teach us to march and walk straight ahead have long since forgotten themselves; they have forgotten where knowledge is to be found. Now, they give us lessons on how to survive contemporaneity, how to outlive the end of history, how to cope with the logic of capital. At school, people learn to make money and how to satisfy their needs.

HISTORY teaches us that it is not we who make it, but YUKOS and Tampax.

GEOGRAPHY teaches us that nature consists of resources and fossil fuels.

BIOLOGY teaches us that life is nothing but a form of existence for protein chains.

PHILOSOPHY teaches us to hate thinking.

CHEMISTRY teaches us the formula of alcohol.

PHYSICS teaches us to calculate the trajectory of an artillery shell.

DRAWING teaches us that we are unable to draw.

Exhibitions are made with money, so that money is all that exhibitions show. Schools teach us to count our net profits, how to write proposals. Society talks to us through a one-way dialogue in the language of money. Schools teach us that we have no language of our own, that our language is the language of Pushkin, Tolstoy, and Mayakovsky. Pushin, Tolstoy, and Mayakovsky have long since been selling Chinese T-shirts on the fleamarket; they now teach the language of trade.

We categorically reject this kind of “dialogue.” We are opening our school for timely art to learn how to speak and to teach others how to speak. Money builds palaces of cultural and castles of content in which the human being plays a secondary role, little more than a precondition for their existence. Humanity has been acquired as money’s second nature. Culture demonstrates the damage the world of commodities has done to humanity, a loss for which there is no recompense. Culture has lost the right to produce truth and beauty. Truth is produced by television and the media; advertising is responsible for beauty. Culture leaves art in the basement.

Our school proclaims that it is time to leave the basement. The School for Timely Art claims the right to produce the truth. Our school manifests timely art that is against the culture of commodities and money. Our school is not a protest; we are not demanding anything; we are opening a new epoch of two-way dialogue. We are the forgotten in this war of coals and mandarins; we are the primordial soup in which a civilized market should develop; we, deserters from the army of culture, proclaim that we have the right to speak. When they tell us that the country needs a strong army instead of creative education, we can only answer by laughing. We won’t only laugh once. We are going to be laughing for a very long time.

The future belongs to our laughter!

We will not learn your culture, the CULTURE of making war with peaceful goals, the CULTURE of making weapons of mass destruction, the CULTURE that transmits the truth live on primetime without any right to dissent.

“So what can you offer instead,” says the bureaucrat once again, bloated with cultural consumption, a volume of Pushkin in his pocket.

“Ы-ы-ы-ы-ть!”** will be the only answer. Pushkin is confined to the prisonhouse of his books, and if he were free, he would scream “Ы-ы-ы-ы-ть” louder than anyone else.

DECREE ON TIMELY ART

Timely art is the art of communities that have not been accounted for, the art of groups that have no language to express the loss that existing culture has done to them.

Timely art is both the acquisition of a language and its transformation. Unrecorded, neglected group do not acquire their language to complain about their loss or to protest. The self-organized, self-constituting language of unrecorded groups is the claim of a neglected discourse for participation in history and the production of the truth. Timely art has no author; its body is the communication of its participants within the group; its artwork is the result of exteriorized communication.

Works of timely art have no material value; instead, it notifies the spectators of the existence of new principles for the functioning of society, which have come to consciousness through the group. Visiting an exhibition or an action, the spectator inevitably becomes a participant, since authorship spreads to everyone who has accepted its new principle.

Timely art is political art. Timely art claims the right to define truth; as art, it also negates truth as a passive, exoteric circumstance. Timely art claims the right to its global presence in life, and the right to define that life. Timely art’s political demand: “Ы-ы-ы-ы-ть”!

Timely art is radical art. Culture offers (or fails to offer) us sublime and abstract ideals, but whenever responsible decisions need to be made, culture speaks the language of money. Timely art radically keeps to its own language, which is the objectified movement of subcultures to the formulation of truth.

Timely art expresses the values and interest of intellectual workers. Workers who do not only sell their time, but their thoughts. In the past, the worker sold his labor power, alienating from his labor’s results. Today, the worker sells his ability to think and learns, thus alienating himself from his creativity.

The existence of timely art embodies creative, non-professional self-education, whose goal is not to gain professional skills, and the resulting ability to sell one’s knowledge, but the ability to gain knowledge and to pass it on to others.

translator’s notes:

*This use of timely is a Russian pun on the proximity of the words *sovremenoe* (=contemporary) and *svoevremenoe* (=timely, on-time).

** The neologism Ы-ы-ы-ы-ть (*Y-y-y-y-y-t’*, with a soft t like in *Chto delat’*) is a verb that seems to mime great effort, but also sounds a little like children’s language. It rhymes with *vyt’* (= to howl),” and *byt’* (=to be). There is no good way to translate it, unfortunately.

The CAT group was founded in Novosibirsk in 2003 by the sociologist Ekaterina Drobysheva, the artist Maxim Neroda, and the political activist Artem Loskutov.

The group became known through the organization of an entire series of actions in urban space.

These include “Monstration” (2004-2005), an intervention in a Mayday demonstration with absurdist slogans and posters, “Study, Study, and Study Again” (2004), a street-party in defense of free education, which took around a monument to Lenin, or “Freedom, Equality, Piracy” (2004), the blocking of advertising campaigns by circulating and destroying pirate productions. For more information, see www.monstration.narod.ru

акция группы КЭТ в поддержку бесплатного образования | An action by CAT group in support of free education at the Lenin-monument "Study, study, and study again."

David Riff

The Karl Marx School of the English Language

Давид Рифф

Школа английского языка имени Карла Маркса

1. The Karl Marx School of the English Language (KMSEL) was founded in January 2006. Its most immediate goal was to improve both the spoken language (pronunciation, discussion) and reading comprehension of its participants. I serve as the “instructor” (native speaker and art historian Kristin Romberg is the substitute teacher when I am unavailable). The “students” are the philosophers Oxana Timofeeva, Alexei Penzin, and Vlad Sofronov, the curator Konstantin Bokhorov, and the artist Dmitri Gutov. The school meets once a week at Gutov’s studio in the center of Moscow. Meetings last between 3-4 hours, with one cigarette-and-tea break, and usually end with a drink or two at a local bar.

The school’s curriculum consists of texts by Karl Marx in their English translation., which we download and print out from www.marxists.org. Utilizing the collective linguistic skills of the group, we often make close comparisons of English translations to Russian and German versions of Marx’ texts. This means that we find ourselves moving very slowly. So far, we have devoted 12 sessions to the Feuerbach Theses, about 4 sessions to a letter from Marx to Arnold Ruge. We then launched into “Private Property and Communism” from the Economic-Philosophical Manuscripts of 1844, and have been working with these for the entire summer.

First, we read the texts aloud several times sentence by sentence, correcting pronunciation, identifying difficult words, and comparing important points to the Russian translation and the German original. The difficulties really begin with the next step, when we try to summarize Marx’s thoughts in our own (English) words; this almost invariably leads to various interpretations and a great deal of discussion. This discussion is both stimulating and confusing. A mixed (if not anarchical) hermeneutic shatters and fragments our discourse. As it becomes increasingly illusory, personal, and subjective, our discussion jumps ahead to other topics and readings that we have yet to reach, producing polemical fever, in the heat of which each of us slips into her or his accustomed role, until we abscond to obligatory drinking and late-night cab rides home.

2. For me, the desire to read Marx more closely arises from my view of our local political situation. The collapse of state socialism totally discredited dialectical materialism as an episteme. Most educated people are allergic to Marxism. However, in the last five years of “normalization” and “controlled democracy” under Putin, a small political left has become one venue for dissent. In some circles, it is even fashionable to talk about Marx. This does not mean that Marxism is returning as a political force; in fact, it seems sadly clear that the numbers are too small and the central issues are still too unclear to permit any consolidation that could lead to a fundamental political change. Thus, this field’s main activities are “knowledge production” and “self-organization” through both small-scale activism and intellectual debate. The general assumption is that some version of (anarcho-)Marxism will better at explaining post-Soviet reality than the hegemonial neo-liberal paradigms, based in a politics of administration and an economics of need.

Needless to say, the marginal left arises in certain local structures. It is heir to the dissident (anti-Communist) traditions of the late Soviet period, whose confidential kitchen politics led to “self-clarification” and “consolidation” against the rotten Soviet order. Given the repressive nature of “controlled democracy,” many leftists see this structure as a potentiality for civil dissidence today. But dissidence against what? The late Soviet experience of dissidence showed that a vague negation of the state and its ideological apparatus is not enough. Only definite negation can prevent the irresponsibility of armchair theory. Indifferent antitheses produce only half-knowledge, whose ultimate conclusion has to be “thank god we’re not in power.” In overcoming this passivity, political and cultural activism are crucial, not only as a means of keeping at least some possibility for collective action alive, but also as a collective form of “learning by doing” that differentiates and specifies the vagaries of anti-capitalist dissent. If it does not bring theoretical clarity, however, it too can easily become “action for the sake of action” whose real goal is a micro-community’s “being-together.” This “being-together” alone is not enough to break through the fog, obviously.

The absence of mass movement (or multitude) can be useful – it supplies a continuum for reflection – but it also engenders endless, entropic debates. These debates supposedly serve the purpose of “self-clarification” and “consolidation,” but often have the opposite effect. At worst, they become esoteric performances that differentiate smaller (or larger) “ventures,” vying for attention on a small, heterogeneous countercultural field. This may provide a useful practical education in aggressive countercultural (or artistic) marketing in a war for scarce resources, but it does not lead to any greater clarity as to the subjects and objectives of an emancipatory, anti-capitalist movement. Still, what is interesting to me is that these debates do not only show how fragmented or confused the left is, but also that the language of Marxism – both in theory and praxis – has once again become a potential means of universalizing the struggles that arise in every form of production without negating or subordinating their singularity. Then again, this potentiality is fatally blocked from actualization. One wonders how many people have actually read Marx, and what exactly they have read. This sounds a little arrogant, but I honestly often have the impression that we all don’t know exactly what we’re talking about. If we did, we would be in a much better position.

1. Школа английского языка имени Карла Маркса (The Karl Marx School of the English Language, KMSEL) основана в январе 2006 года. Ее непосредственной задачей было совершенствование устной речи (произношения, ведения дискуссии) и навыков работы с текстом. Я выполняю роль “преподавателя” (носитель языка, историк искусств Кристин Ромберг подменяет меня по необходимости). “Студентами” стали философы Оксана Тимофеева, Алексей Пензин и Влад Софронов, куратор Константин Бохоров и художник Дмитрий Гутов. Школа собирается раз в неделю в студии Гутова в центре Москвы. Встречи длятся 3-4 часа, с одним перерывом попить-покурить, а завершаются обычно рюмкой-другой в близлежащем баре.

Учебная программа KMSEL составлена из текстов Карла Маркса в английском переводе, которые мы скачиваем с www.marxists.org и распечатываем. Используя общее знание языков, мы часто сопоставляем английские переводы с русскими и немецкими версиями текстов Маркса. Поэтому продвигаемся мы весьма медленно. К настоящему моменту, мы посвятили 12 занятий “Тезисам о Фейербахе” и около 4 занятий письму Маркса к Арнольду Руге. Затем мы приступили к главе “Частная собственность и коммунизм” из “Экономико-философских рукописей 1844”, и проработали над ней все лето.

Сперва мы читаем тексты вслух несколько раз, предложением за предложением, поправляя произношение, выделяя трудные слова и сопоставляя важные моменты с русским переводом и немецким первоисточником. Настоящие трудности начинаются на следующем этапе, когда мы пытаемся подытожить мысли Маркса нашими собственными словами (по-английски); практически всегда возникает множество интерпретаций и начинается горячая дискуссия. Обсуждения эти одновременно воодушевляют и сбивают с толку. Разнородная (если не анархическая) герменевтика расшатывает и фрагментирует нашу беседу. Становясь все более иллюзорной, личной и субъективной, дискуссия перепрыгивает к другим темам и текстам, до которых мы еще не дошли, рождается полемическая лихорадка, в

горячке которой каждый из нас возвращается к своей привычной роли, пока мы не спасаемся обязательной выпивкой и поздними такси домой.

2. Желание более внимательно прочесть Маркса возникает у меня как следствие отношения к нашей локальной политической ситуации. Коллапс государственного социализма полностью дискредитировал диалектический материализм как эпистему. У большинства образованных людей на марксизм аллергия. Несмотря на это, за последние пять лет “нормализации” и “контролируемой демократии” Путина, небольшое левое политическое движение стало единственной территорией несогласия. В некоторых кругах даже модно говорить о Марксе. Это не означает возвращения марксизма как политической силы; на самом деле, печальной очевидностью представляется слишком малое число вовлеченных и непроясненность главных вопросов, что препятствует какой-либо консолидации, способной привести к фундаментальному политическому изменению. И поэтому, деятельность этого круга в основном посвящена “производству знания” и “самоорганизации” в скромных по масштабу активизме и интеллектуальных дебатах. Предполагается, что одна из версий (анархо-)марксизма лучше объяснит пост-советскую реальность, чем гегемонные нео-либеральные парадигмы, основанные на политике контроля и экономике нужды.

Стоит ли говорить, что маргинальное левое движение развивается в определенных локальных структурах. Это продолжение диссидентских (анти-коммунистических) традиций позднесоветского периода, чья тайная кухонная политика вела к “самопрояснению” и “консолидации” против сгнившего советского порядка. Учитывая репрессивную природу “контролируемой демократии”, многие левые сегодня рассматривают эту структуру как потенциальность для гражданского несогласия. Но с чем не соглашаться? Опыт диссидентства позднего СССР показал, что неопределенного отрицания государства и его идеологического аппарата недостаточно. Только четко оформленное отрицание способно избежать безответственности кабинетного теоретизирования. Безразличное противопоставление создает лишь полужнание, главным выводом которого становится “благодари бога, что мы не у власти”. Для преодоления этой пассивности, критично важен политический и культурный активизм, не только в качестве средства поддержания хотя бы некоторой возможности коллективного действия, но также в качестве коллективной формы “обучения через действие”, в котором различаются и конкретизируются превратности антикапиталистического инакомыслия. Однако, лишенный теоретической ясности, процесс этот легко становится “действием ради самого действия”, настоящей целью которого является “бытие-вместе” данного микросообщества. Этого “бытия-вместе” самого по себе, конечно же недостаточно, чтобы прорваться сквозь пелену.

Отсутствие массового движения (или множества) может оказаться полезным: возникает континуум для рефлексии, но одновременно порождаются бесконечные, энтропийные дебаты. Такие дебаты, казалось бы, служат “самопрояснению” и “консолидации”, но часто имеют обратный эффект. В худшем случае, они обращаются эзотерическими представлениями, отличающими меньшие (или большие) “авантюры”, борящиеся за внимание маленького, гетерогенного контркультурного поля. Что может дать полезный практический опыт агрессивного контркультурного (или художественного) маркетинга в условиях войны за ограниченные ресурсы, но не ведет к сколь бы то ни было более ясному пониманию предметов и целей освободительного, антикапиталистического движения. Мне интересно, однако, что эти дебаты не только проявляют фрагментированность и замешательство левого движения, но и то, что язык марксизма – и для теории, и для практики – вновь стал потенциальным средством универсализации борьбы во всех видах производства, не отрицая и не подчиняя сингулярность каждого случая борьбы. Но опять-таки, актуализация этой потенциальности фатально блокирована. Интересно, как много людей действительно читали Маркса, и что именно они прочли. Пусть это звучит несколько высокомерно, но мне действительно часто кажется, что все мы не знаем, о чем ведем речь. Если бы знали, положение наше было бы значительно лучше.

3. In describing KMSEL’s background, I have not only delineated my own (political, intellectual) motivations in suggesting this initiative – with English practice as a pretense – but also wanted to provide a sample of the kind of monologue you could hear at a KMSEL meeting. Of course, everyone came to KMSEL with their own intentions, and the point was not to subordinate these intentions to some sacral Marxist truth. So antagonistic discussion to clarify the terms of engagement is inevitable. But once the discussion gets out of hand (30 minute monologues!), it quickly becomes an exercise of defending identities with or against two “colonial languages.” The experiment reaches its first dead end. It both reproduces and deconstructs the indifferent antithesis between the “critical criticism” of a schoolkid and the authoritarian voice of the educator. Both refuse to be educated. Only “being-together” can break through the tedium of their standoff: bursts of laughter, tearful apologies...

Thus, it seems to make more sense to concentrate all the participants’ different intentions in *one educational activity*, to limit its scope, to focus on concrete material by reading very slowly, making sure that everyone really understands every word, even if we all disagree. The reduction of English vocabulary helps to effect this focus. This flight from polemics to proximity was not my didactic initiative, but a general request from the group. It has led to interesting results. Here, again, there is a dialectic between two modes of interpretation: one is to seek out the referents of Marx’ language in their historical context. The other attempts to draw connections from the “classical” body of knowledge to everyday life, as experienced through the lattice of professional disciplinary practices (art, philosophy, criticism, scholarship). Both are complementary as long as we prohibit ourselves from holding monologues. However, even at its best, this mode of reading also finds itself in a dead end: the texts themselves are first mantras, then mirrors. Their *re-collection* (Er-innerung) remains a confidential, nocturnal activity, held in the interior of a Marxist monastery.

Then again, pure contemplation is impossible even if it were desirable, given both the quantity of our meetings and the quality of the texts. Nocturnal undertakings eventually always come to light, even if in a distorted form. Or more prosaically, as art professionals, critics, or philosophers involved in real cultural production, I think we will all see the possibility for *setting our knowledge into practice*; not only are we too “worldly” to stay in the Marxist monastery for long, but we also know that production brings both “being-together” and “self-disciplinary contemplation” to an entirely different level as collective (and perhaps antagonistic) action. For now, this collective action – which is likely to go in either publicistic-critical or artistic directions – is a potentiality. This does not only make it attractive, but also gives rise to medial suspicion on my part: won’t we be making just be another commodity, once we get to work? Then again, I hope that this continuing, collective experiment in self-education will lead beyond the classical obstacle of reification or its indefinite negation, that it might make a product that is far more than a commodity. This hope might be in vain. It too might be lead to another dead end. But the only way to find out is by trying...

August 2006

Давид Рифф, род. 1975 г. в Лондоне, художественный критик, писатель, член рабочей группы «Что делать?». Живет в Москве и Берлине

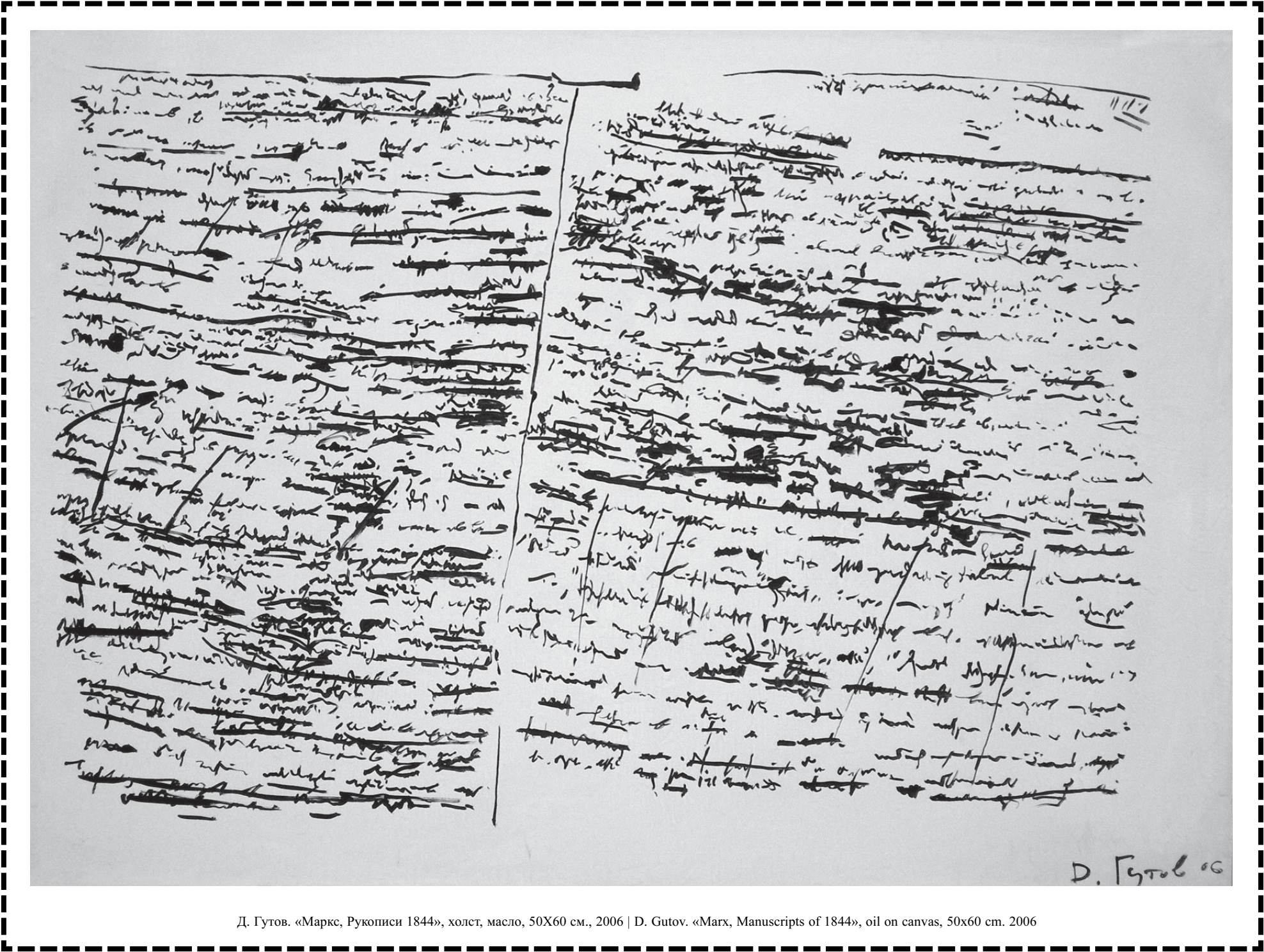
3. Описывая KMSEL, я не только набросал собственные мотивации (политические, интеллектуальные) по отношению к данной инициативе – где занятия английским стали лишь предлогом – но также хотел привести пример монолога, который можно услышать на встречах KMSEL. Разумеется, каждый участник пришел сюда со своими собственными намерениями, и важно было не подчинять их разнообразие некой сакральной марксистской истине. Поэтому неизбежны антагонистичекие дискуссии, проясняющие условия взаимодействия. Но когда спор выходит из-под контроля (получасовые монологи!), он превращается в защиту идентичности за или против двух “колониальных языков”. Эксперимент попадает в первый тупик. Одновременно воспроизводится и деконструируется бессмысленное противопоставление “критического критицизма” школьника и авторитарного голоса учителя. Оба отказываются учиться. Пробриться сквозь их утомительный клинч способно только “бытие-вместе”: взрывной смех, слезные извинения...

Поэтому имеет смысл сосредоточиться на различных намерениях внутри единого образовательного процесса, ограничить его сферу, сфокусироваться на конкретном материале, читать очень медленно – чтобы каждый непременно понял каждое слово, даже если мы не согласны друг с другом. Ограничение английского вокабулярия помогает нам добиться этого. Этот скачок от полемики к близости был не моей дидактической инициативой, а общим желанием группы. Он привел к интересным результатам. Здесь вновь развернулась диалектика двух способов интерпретации: разыскивать референты языка Маркса в их историческом контексте, или же пытаться найти связи с “классическим” массивом знания повседневной жизни, приобретаемого в структурах опыта профессиональных дисциплинарных практик (искусства, философии, критики, образования). Оба способа дополняют друг друга, до тех пор, пока мы воздерживаемся от монологов. Однако, как бы хорошо ни развивался даже этот режим занятий, он тоже заводит в тупик: сами тексты сперва служат мантрами, а потом – зеркалами. Их восстановление (Er-innerung) остается конфиденциальной, сумеречной практикой в пределах марксистского монастыря.

Тогда снова, чистое всматривание было бы невозможно, даже если оно и было желательно, учитывая и количество наших встреч и качество текстов. Ночные свершения, в конечном счете, всегда выходят на свет, правда в искаженной форме. Или более прозаически, я думаю, что все мы: критики, философы или профессионалы, вовлеченные в реальное культурное производство, видим возможности для включения нашего знания в практику. Не только, потому что мы все “слишком мирские”, чтобы остаться в марксистском монастыре на долгое время, но потому что мы знаем, что производство одновременно является и «бытием вместе» и «самодисциплинирующим созерцанием» на совершенно ином уровне коллективного (и возможно антагонистического) действия. Пока, это коллективное действие, которое может пойти или в публицистично-критическом или артистическом направлении является потенциальной возможностью. Это оказывается не только привлекательным, но также и вызывает с моей стороны некоторые подозрение: не будем ли мы снова производить еще одну форму товара, как только мы засядем за работу? Тогда снова, я надеюсь, что это продолжение, этот коллективный эксперимент в самообразовании сможет вывести нас за традиционные схемы овеществления или его смутного отрицания, что из него может получиться результат, который сможет стать чем то, что гораздо больше чем товар. Это может быть напрасная надежда. Может быть это дорога, ведущая к другому тупику. Но единственный способ это выяснять это пытаться...

Август 2006

David Riff, born 1975 in London, art critic, translator, writer, member of the workgroup “What is to be done?”. Lives in Moscow and Berlin.

Д. Гутов. «Маркс, Рукописи 1844», холст, масло, 50X60 см., 2006 | D. Gutov. «Marx, Manuscripts of 1844», oil on canvas, 50x60 cm. 2006

Alice Creischer & Andreas Siekmann | ExArgentina

ExArgentina found its thematic starting points in the economic crisis and uprisings in Argentina in December 2001. The project lasted for four years, giving us a span of time much longer than the usual haste with which exhibitions and cultural events have to be managed, providing a continuum that provides the precondition for truly critical, complex artworks. The project consisted of several stages: from November 2002 to May 2003 we stayed in Buenos Aires, where we met various groups and artists and started a process of cooperation and discussion, which was to last four years. In the fall of 2003, we returned to Berlin and organized the conference “Plans for Leaving the Overview.” The conference was intended to discuss the theoretical and methodological issues that had so far crystallized with people from Europe as well. It was followed by the exhibition “Steps to Fleeing from Work to Action,” which was shown at the Museum Ludwig in Cologne in March 2004. Part of the exhibition was also shown in September 2004 in the exhibition “How Do We Want to be Governed” at a Centro Civico in in Barcelona. This spring, the final part of ExArgentina took place in Palais de Glace, a city institution in Buenos Aires, and was organized by the Argentine artists, who brought in many new artists and groups. This last part of the project consisted of an exhibition and a 6-week workshop, in which issues important to the project were now discussed in the light of the current political situation.

We first traveled to Buenos Aires with the intention of starting a kind of genealogical practice, with which we wanted to explain the political and economic crisis that happened in Argentina in 2001 / 2002. We based this on the concept of genealogy that Foucault developed in his lectures at College de France in 1976. We developed concrete questions: Which cases could be compared with the Argentine crisis – e.g. Mexico 1994, Russia 1998, Asia 1997? Who are the protagonists of the crisis? Why are the new investors’ buildings and shopping malls never pictured, but always only the burning tires of the street barricades? What are the connections like between political apparatuses and profiteers? Which identitary images does the crisis found, and how can one work against them? These questions disappeared in the first weeks. They landed in the same place where two stacks could be found in bookshops: one stack offering a multitude of books analyzing the crisis and corruption in Argentina, the other offering psychological guides and self-help literature. For us, both of these stacks were the symptom of a bourgeois dilemma: there is a permanent analysis and criticism of the political present, which may have no other social connection than to the prison of self-optimization.

Through the artists and groups that we met, it seemed at first as though we were moving away from an analysis, because we were involved in a process of social solidarity and political self-organization that we had not known before. It is difficult for us to describe this process without reproducing kitsch: battles in the street, assemblies in occupied factories, outrage at the everyday repression on the part of the police. We believed less in the images that were produced for these battles at the time than in presence and experience in a specific situation that is not suited to be a reproducible model. We observed how the “intellectuals” behaved in this situation. We noticed that it seems to be part of the intellectual’s job to always be capable of judging and maintaining one’s own balance – as though one were sitting in a loge and watching a play in the theater. It became very clear that the “power of judgment” defines a social status, whose holders are intent on maintaining this status. The point was holding a political criticism that cannot escape from the prison of representing its own interests. It became apparent that this judging functioned according to the immanent categories of government or a social stock-taking.

In Buenos Aires we read John Holloway’s book “Change the World Without Taking Power”, which had just been published in the German translation. Holloway drafts a negation that understands the no to capitalist harmony as the beginning of a social action. He succeeds in suspending the “no” from the various futility judgments that it is so often linked with, because he seems to be lacking the historical perspective. Negation also means the refusal to draft a post-revolutionary scenario with its new state, its new society or its new work. We liked the topos of flight and leaving in Holloway’s book, which could be used differently from Foucault’s topos of war / battles. Shortly before our return to Germany, there was an event in Buenos Aires, which was to describe the status of our project so far. It was called “Plans for Fleeing from Work to Action”, and it translated this concept of negation to our experiences as follows.

We came to Buenos Aires to start a project that informed as precisely as possible about the so-called crisis in Argentina. However, we met no mere informants here, but people who are involved in something that we would like to call ‘Fleeing from Work to Action’. On the one hand, ‘fleeing from work’ characterizes the flight of capital, the withdrawal of the investors from a lost wager, the surrender of industries and thus also the end of a form of exploitation that was organized in jobs. At the same time, this flight also entails a further loss of rights in the jobs that still exist, an extreme repression and expulsion of those who are unemployed. On the other hand, ‘fleeing from work’ can also mean all the forms of self-organization among those who have been left behind. It can mean that this unexploitability is a form of release to what one could call social action. This action is the opposite of work; it is no longer separated from the environment and the life in which it takes place. Maybe this inapplicability is a precondition of self-education, in the sense of a release. This release is especially a concern of the institution of art, because ‘work’ is usually negotiated there in a highly exemplary way – in the separation of contexts and the compulsion to find universal gestures in order to be of value. ‘Plans for Fleeing from Work to Action’ therefore also means finding an emergency exit from these institutions’ lack of political expression.

In conclusion, we come now to the concept of “militant research”, which we rediscovered in the discussions with Colectivo Situaciones, and which summarizes for us the involvement with and holds the affective relationship to the “object of research”, in which the subject lays down their office as an instance. In the exhibition in Cologne we assigned artistic works to this concept, among others. (We had a total of four concepts that we assigned works to: negation, militant research, cartography and political narrative.) Ultimately, however, this concept applied to the overall project, because all the participants strongly identified with it.

We initially related “militant research” as a mode of working exclusively to activist and collective modes of working. In retrospect, however, this seems too narrow. We had long discussions about importing activism into the institution, in which a polarization between the “street” and the “museum” quickly emerged, but in which neither place was really questioned in the end. Instead, the places were elevated to criteria. Activism is not inviolable, we found many activist statements universalizing, coarse and paternal. We also found it characteristic that many subsequent invitations related exclusively to activist works, as though professional curators connect activism with an extreme topicality – the latest news that will already be supplanted tomorrow by the next. In the project it turned out that militant research is not so much a discussion of grounding, and certainly not a discussion in which one can forget one’s own individuality and enter into a movement identity. For us, militant research was explicitly a method discussion.

Yet this method discussion is ultimately oriented again to the ethics of genealogy: How closely must one listen, how precisely must one think, how vehemently must one proceed against the repressiveness of not wanting to know exactly? Which images can be found, how can one’s own experience be envisioned in them, and how can one describe in them one’s own involvement? Which measure of credibility, of the interest in communicating to observers and of the revisability of the work can be achieved?

This text has been adapted for the newspaper format by David Riff. For complete German and English versions of the text, see <http://www.eipcp.net>

Алиса Крайшер & Андреас Сикманн | ЭксАргентина

ЭксАргентина почерпнула свои исходные темы из экономического кризиса и восстаний в Аргентине, в декабре 2001 года. Проект продолжался четыре года и предоставил нам гораздо более долгий отрезок времени, чем обычная спешка, с которой должны организовываться выставки и культурные мероприятия. У нас было то длительное время, которое необходимо для рождения действительно критических и сложных произведений искусства. Проект состоял из нескольких этапов. С ноября 2002 г. мы находились в Буэнос-Айресе, где встречались с несколькими группами и индивидуальными художниками и где начали тот процесс сотрудничества и обсуждения, который продолжался четыре года. Осенью 2003 года мы вернулись в Берлин и организовали конференцию «Планы расставания с обзором». Конференция была направлена на обсуждение теоретических и методологических вопросов, которые были выработаны нами совместно с европейскими коллегами. За ней последовала выставка «План бегства от работы в действие», которая была показана в Музее Людвига в Кельне, в марте 2004 г. Часть этой выставки была также показана в сентябре 2004 г. на выставке «Как мы хотим, чтобы нами управляли», в Centro Cívico, в районе Барселоны Las Minas. Этой весной, заключительное мероприятие ЭксАргентины состоялось в Palais de Glace, городском выставочном зале Буэнос Айреса и было организовано аргентинскими художниками, включая многих новых для нас художников и новые группы. Это последнее мероприятие включало в себя выставку и шестинедельный семинар, в котором вопросы, существенные для проекта, обсуждались в свете текущей политической ситуации. Мы впервые поехали в Буэнос Айрес с намерением начать нечто вроде генеалогической практики, которая объясняла бы политический и экономический кризис, разразившийся в Аргентине в 2001-2002 г. Мы основывались при этом на понятии генеалогии, разработанном Фуко в его лекциях в Коллеж де Франс, в 1976 г. Вначале мы разработали конкретные вопросы: какие еще случаи можно сравнить с аргентинским кризисом: например, Мексика 1994 г., Россия 1998 г., Азия 1997 г. Кто является главным действующим лицом этого кризиса? Почему никогда не показывают небоскребы инвестиционных компаний и торговые центры, а только горящие шины уличных баррикад? Каковы связи между политическим аппаратом и теми, кто делает деньги? Какие образы идентичности рождаются из этого кризиса? Эти вопросы исчезли в первые же недели. Они приземлились там, где в книжных магазинах Буэнос-Айреса находятся две полки: на одной множество книг, анализирующих аргентинский кризис и коррупцию, а на другой поп-психология, книги по самопомощи. Нам обе эти полки показались симптомом буржуазной дилеммы: налицо перманентный анализ и критика политического настоящего, которые социально ни во что не выливаются и не оставляют другого выхода, нежели ловушка само-оптимизации. Встречи с художниками и группами поначалу показались нам уходом от анализа, потому что мы включились в процесс социальной солидарности и политической самоорганизации, с которым раньше не встречались. Трудно описать этот процесс без того, чтобы впасть в эстетичку кича: уличные бои, собрания на самозахваченных заводах, гнев от повседневных репрессий со стороны полиции. Мы верили не столько фото- и видео- образам, сделанным в этих боях, сколько присутствию и опыту конкретной ситуации, которая не может стать воспроизводимой моделью. Мы наблюдали, как вели себя в этой ситуации «интеллектуалы». Мы заметили, что функция интеллектуала видится в том, чтобы всегда быть способным к суждению и оставаться уравновешенным – как если бы он сидел в театральной ложе. Стало ясно, что «способность суждения» определяет социальный статус, и его обладатели стремятся сохранить его. Такая политическая критика не может ускользнуть из ловушки отстаивания своих собственных интересов. Стало ясно, что эта процедура суждения работала в имманентных категориях управления или социальной биржи. В Буэнос-Айресе мы прочли книгу Джона Холлоуэя «Как изменить мир, не захватывая власть». Холлоуэй предлагает такое отрицание, которое трактует «нет», адресованное капиталистической гармонии как начло социального действия. Ему удастся удержаться от всяческих суждений о бесполезности отрицания, потому что ему, похоже, неинтересна историческая перспектива вопроса. Отрицание означает также отказ создавать постреволюционный сценарий нового государства, нового общества или нового труда. Нам понравился в книге Холлоуэя топос бегства и оставления, который можно использовать иначе, чем топос «война/сражение» у Фуко. Незадолго до нашего возвращения в Германию, в Буэнос-Айресе состоялось мероприятие, призванное описать состояние нашего проекта на тот момент. Оно называлось «План бегства от работы в действие» и в нем мы перенесли это понятие отрицания на наш собственный опыт следующим образом. Мы приехали в Буэнос-Айрес начать проект, как можно лучше учитывающий так называемый кризис в Аргентине. Тем не менее, мы встречались там не просто с информантами, а с людьми, вовлеченными в нечто, что мы назвали «бегством из работы в действие». С одной стороны, «бегство от работы» связано с бегством капиталов, уходом инвесторов из ставших убыточными проектов, закрытие заводов и таким образом конец той формы эксплуатации, которая осуществлялась на рабочих местах. В то же время, «бегство от работы» может означать любую форму самоорганизации тех, кто остался за бортом. То есть эта «неэксплуатируемость» – это форма высвобождения того, что можно назвать социальным действием. Это действие – противоположность работе, оно больше не отделено от окружения и от жизни, в которой оно совершается. Возможно, эта не-примененность действия есть условие самообразования, в смысле высвобождения. Это высвобождение особенно важно для институций искусства, потому что смысл «работы» обычно обсуждается там в весьма характерном виде: как взаимная изоляция различных контекстов и необходимость находить универсальные жесты, чтобы производить ценность. «Планы бегства от работы в действие» означают поэтому поиск аварийного выхода из этих институций, по крайней мере, из отсутствия в них политического выражения. В заключение, мы приходим к понятию «активистского исследования», который мы переоткрыли вместе с группой «Colectivo Situaciones» и которое подразумевает для нас включенность в «объект исследования». На выставке в Кельне мы подвели художественные произведения под это понятие, среди прочих. У нас было в целом четыре понятия, под которые мы подводили произведения: отрицание, активисткое исследование, картография, и политическое повествование. В конце концов, тем не менее, это понятие можно было применить ко всему проекту, потому что с ним идентифицировались все участники. Мы исходно соотносили активистское исследование как способ работы исключительно с активистским и коллективным способом работы. Задним числом, однако, это представляется слишком узким пониманием. У нас были долгие дискуссии о том, как показывать активизм в институциональном контексте. В этой дискуссии быстро возникла поляризация между «улицей» и «музеем», но ни то, ни другое место само под вопрос не ставилось. Вместо этого, эти места стали критериями. Активизм, вообще, не является неприкосновенным. Многие высказывания активистов показались нам чрезмерно обобщающими, грубыми и патерналистскими. Мы также обратили внимание на то, что многие последующие приглашения относились исключительно к произведениям активистов, как будто кураторы ассоциируют сейчас активизм с чем-то крайне модным: последняя новость, которую завтра заменит другая. В проекте выяснилось, что активистское исследование – это не столько дискуссия об основании, и конечно не та дискуссия, в которой можно забыть собственную индивидуальность и приобрести идентичность самого исследуемого движения. Для нас, активистское исследование эксплицитно вело к методологической дискуссии. Но эта методологическая дискуссия, в конце концов, ориентирована на этику генеалогии: насколько внимательно нужно слушать, насколько точно надо думать, насколько энергично надо действовать и сопротивляться репрессивности недостаточного знания? Какие образы можно найти, как личный опыт может быть преломлен в них, и как описать в них свою собственную включенность. В какой мере достоверным и интересным может быть сообщение зрителям произведения и его доступность переделке?

Для газеты текст был адаптирован Давидом Риффом. Полностью текст можно прочитать на английском и немецком языке на сайте: <http://www.eipcp.net>

Jeronimo Voss - Alice Greischer

Blocage! Interview on Current Student protests in Germany

A.C. Could you briefly explain what sparked the student protests in Germany this summer? Could you describe the situation in higher education?

J.V. The current situation at German institutions of higher education is largely determined by measures taken to restructure the entire educational system. It includes the introduction of tuition fees, and the implementation of programs for the BA and the MA. More and more graduates are being trained to only satisfy the job market, while a small “excellent” elite still receives interest-based support from business. Department on subjects that are socially relevant but unlucrative are simply being closed. The definition of content through neoliberal criteria basically forebodes the end for all critical science and scholarship. Since the summer of 2005, more and more students all over Germany have been putting up resistance, most of all against the federally organized tuition plans. May 2006 saw the rise of a new wave of student protest. It was triggered by the imminent passage of legislation to introduce general tuition fees of at least 500 € per semester, in addition to administrative fees that are already in effect. The state government of Hesse is even planning to institute a special charge of up to 3,000 € a year for “educational foreigners” (i.e. non-EU-citizens with non-German-higher-education-diploma). With the current reforms, “equal opportunity in education,” with its seemingly invisible structural exclusions, is becoming lawful social discrimination. But most importantly, the idea that you as a student would have 1,000 € less per year supplied the necessary protest potential for a “summer of resistance”. All the more because it is clear to everyone that the general introduction of fees bring step-by-step increases in tuition in its wake.

A.C. Which forms of protest were there?

J.V. In Frankfurt alone, the A66 autobahn was blocked three times. The main railway station and several public transit hubs were also targeted by blockades on several occasions, and all of this during the World Cup. This readiness to become militant or at least to engage in “limited infractions” is a significant departure from local student strike culture of the last years. One explanation is the influence of the French Anti-CPE-movement in April 2006. As you know, this movement consisted primarily of students. Using blockades and mass mobilizations, it was able to halt the implementation of the First Employment Contract aimed at doing away with job security within the first two years of employment. Its international impact has led to contacts with French and even Greek activists. This summer, again and again, students from France have taken part in demonstrations and actions in Frankfurt. This is definitely something new. Individual university buildings were also closed by strikes, though this never quite reached the extent of the parallel protests in Greece, in which up to 95% of all departments were closed.

A.C. Were there forms of self-organizing knowledge or education?

J.V. In Frankfurt the spaces freed up by striking students were used to hold self-organized seminars. For example, the “Institute for Comparative Irrelevancy” (IvI - www.copyriot.com/raumspiel/), located in a former university building that has been occupied since 2003, organized a week-long “Counter-Uni”, in which also French activists were giving workshops. People do not only live in this “IvI” but also use it as a space for critical theory and practice. The occupation of the building has been tolerated by the university administration for now, although its president has announced that it will soon be cleared. Students of the design school (“HfG-Offenbach”) were also very active in the sense of self-organizing knowledge. They cancelled the “Rundgang” (i.e. round tour), which is an annual show of individual student results, and used its budget to organize a networking meeting with activists from France, Greece, and even Chile.

A.C. You’re a student at the Staedelschule art school in Frankfurt. In how far did art students and artists support the strike? Were there any ideas to carry out artistic interventions?

J.V. The art students at the Staedelschule are almost totally inactive. In part, I think this is due the structural autism of a success-oriented student body. But on the other hand, it is also connected to the fact that the Städelshule is half-financed by the city. This special status seems to leave enough room for naive-optimistic speculation as to whether tuition at the Städelshule might still remain free. At the same time, I am not sure whether it is really that preferable to insert artistically-authored interventions into the protests underway. I think that the militancy of collective highway blockades opens a far more interesting perspective for articulating protest in a way that is sensitive to the politics of symbols and images. Those temporary infractions should as well be seen as an answer to the extreme conditions of the spectacular state of exception during the Soccer World Cup, parallel to protests. The fact that Germany was hosting the World Cup led to a nationwide frenzy of resurgent patriotism. Public attention was totally dominated by this event. In this context, material infractions like occupations and blockades were definitely the most appropriate form of intervention, both in terms of symbolical and media- strategy. Of course, this issue is subject to a great deal of controversy within the organized student body. Still, the majority of active students does not care or worry that this new militancy could gamble away possible sympathies of both public opinion and the media.

A.C.How would you sum up your results? What happens next?

J.V. First off, most immediately, the protests resulted in hundreds of arrests, which will probably bring criminal proceedings. The repressions were massive; the police violently intervened even on campus. By now, a state security investigation is underway, suspecting several people from the student movement of arson attacks on university buildings. Yet, the criticism formulated through protest has not gone beyond defending academic privileges. A more fundamental examination of economization and education’s societal status is slowly taking shape. So far, the movement has not succeeded in stopping the impending reforms. Here in the state of Hesse, the bill on the introduction of general tuition will probably pass the state parliament through its conservative majority in September. Still I think that the events of the summer have encouraged the majority of active students, and that further federal states will join in the resistance to their respective reform plans. One should also expect further protests to neoliberal educational policies in Greece and France, with which the student-movement in Germany will again find points of connection.

Jeronimo Voss (1981), Art student at Staedelschule in Frankfurt am Main

Джеронимо Фосс – Алисе Крайшер | Блокируй!

Интервью о текущих студенческих протестах в Германии

АК: Не мог бы ты вкратце объяснить, почему начались протесты? Не мог бы ты обрисовать ситуацию, сложившуюся в высшей школе?

ИФ: Нынешняя ситуация с высшей школой в Германии определяется в первую очередь ее коренным преобразованием, а именно введением оплаты за обучение и переходом на двухступенчатую систему преподавания – бакалавриат и магистратуру. Все больше выпускников сразу же по окончании обучения оказываются на рынке труда, и лишь небольшое количество “элитных” молодых ученых поддерживается заинтересованными в них предпринимателями. Общественно важные, но экономически нерентабельные научные дисциплины упраздняются. То обстоятельство, что учебные программы приводятся в соответствие с нео-либеральными критериями, намечает конец критических наук. Начиная с лета 2005 года все больше студентов в различных федеральных землях протестуют в первую очередь против федеральных планов по введению платного образования. В мае 2006 года пошла волна студенческих протестов. Их причиной стало скорое принятие закона о всеобщей по семестровой оплаты за обучение в размере не меньше 500 Евро вдобавок к уже существующим административным сборам. У нас, в федеральной земле Гессен, правительство, например, даже намеревается установить некий сбор с иностранцев, приехавших на учебу в Германию, размер которого составит до 3000 Евро в год! Таким образом, нынешние “равные образовательные возможности”, с их весьма малозаметными формами дифференциации, могут превратиться в образовательную систему, откровенно дискриминирующую по социальным и географическим признакам. Однако больше всего возмутила – и стала достоянием основанием для “жаркого” лета – мысль власть имущих о том, что студенты могли бы приплачивать еще по 1000 Евро в год. Хотя в любом случае очевидно, что уже повсеместно существующие поборы за обучение будут постепенно расти. При этом сформулированная в результате

протестов критика не выходила за рамки защиты академических привилегий. Основательная полемика о значении процессов экономизации и общественном статусе образования только начинается.

АК: Какие существуют формы протеста?

ИФ: Только во Франкфурте протестантами трижды перекрывался автобан A66. Неоднократно блокировались центральный вокзал и узловые станции метрополитена –и это во время чемпионата мира по футболу. Подобная готовность к агрессивным выступлениям, к “разумному нарушению правил” является отступлением от нашей “забастовочной культуры” последних лет, и ее можно объяснить, кроме прочего, влиянием французского движения против договора первого найма. Это студенческое движение в апреле 2006 года благодаря массовым акциям протеста предотвратило во Франции вступление в силу уже принятого к тому времени “Закона о договоре первого найма”, отменявшего социальные гарантии при увольнении начинающих специалистов с испытательного срока. Все это способствовало укреплению связей с французскими и даже греческими студентами. Французские студенты принимали участие в демонстрациях и акциях протеста во Франкфурте, что разумеется, было в новинку. Влияние иностранного опыта проявилось и в том, что отдельные здания университета захватывались протестантами, хотя и не в таких масштабах, как в Греции, где этим летом тоже прошли студенческие волнения, во время которых, как известно, было закрыто почти 95 % учебных заведений.

АК: Были ли какие-нибудь формы самоорганизации знания/образования?

ИФ: Отвоеванные во время забастовки помещения использовались для спонтанных семинаров. В “Институте сравнительной иррелевантности” (IvI), который с 2003 года занимает одно из бывших университетских зданий, не без помощи французских активистов был в очередной раз организован недельный семинар “Контр-университет” (GegenUni). Причем помещение “Института сравнительной иррелевантности” используется и для проживания, и для проведения критических дискуссий о теории и практике. В свое время университетское руководство терпимо отнеслось к захвату этой площади, хотя президент университета и потребовал немедленного освобождения здания. Учащиеся франкфуртской высшей школы архитектуры и дизайна сорвали ежегодный смотр студенческих работ и достижений. Запланированный на это мероприятие бюджет они использовали для того, чтобы связать международные контакты и провести встречи с французскими, греческими и даже китайскими студентами.

АК: Ты студент Высшей школы искусство Франкфурта. Поддерживают ли студенты твоего вуза или может быть даже художники эти забастовки? Актуально ли для вас что-нибудь вроде идеи художественного протеста? Недавно в связи со

студенческими забастовками и тем, как они были восприняты в медиа, вы говорили о производстве агрессивных художественных образов в пике визуальной продукции масс-медиа. Ты можешь что-нибудь рассказать о развернувшейся у вас дискуссии по этому вопросу? ИФ: Студенты художественного института фактически неактивны. Я думаю, это связано с аутизмом запрограммированных на успех слоев студенчества. С другой стороны в этом повинен статус нашего учебного заведения, которое наполовину финансируется из федеральной, а наполовину – из городской казны. Подобный статус, кажется, создает достаточно пространства для наивно-оптимистических предположений о том, что обучение в Высшей школе искусств должно бы остаться бесплатным. Вместе с этим я не уверен в том, что протест на самом деле следовало сопровождать художественными интервенциями. Я думаю, что агрессивные акты вроде коллективной блокады автобанов открывают интересную перспективу символической и образной артикуляции политического протеста. Вместе с этим эти формы “разумного” нарушения правил можно считать ответом на те исключительные условия спектаклярного состояния, в котором оказалась общественность во время проведения футбольного чемпионата мира. Германия принимала чемпионат мира, и публика по всей стране погрузилась в патриотический угар. Общественное внимание полностью подавлялось этим медийным событием. Поэтому материальные формы протеста, такие как захваты помещений и блокады были наиболее удачной и единственной мыслимой символической и медиастратегической формой протеста. Конечно, все эти методы горячо обсуждались внутри организованного студенчества. Большинство, однако не было сбито с толку относительного того, что новые, более агрессивные формы борьбы могут поставить на карту благосклонность общественности и СМИ.

АК: Можно ли подвести какой-нибудь итог? Что будет дальше?

ИФ: Итогом этих выступлений стали сотни арестов, за которыми, по всей видимости, последуют соответствующие карательные меры. Репрессии имеют массовый характер, на территории университета полиция не раз превышала свои полномочия. Более того, прокуратура даже пытается свалить на активистов студенческого движения вину за поджоги в зданиях университета. Запланированные реформы, однако, до сих пор не удалось. Здесь, в федеральной земле Гессен, проект закона о введении всеобщих сборов за обучение был принят консервативным большинством земельного парламента еще в сентябре. Но я думаю, что благодаря событиями этого лета все больше активных учащихся укрепились в своей правоте, и что осенью и других федеральных землях пройдет волна протеста против реформы образования. В Греции и Франции в период между сентябрем и октябрём также можно ждать новых выступлений против нео-либеральной образовательной политики – к которым присоединимся и мы.

In face of neo-liberal educational policies and the debate on intellectual property it is becoming increasingly difficult to maintain that knowledge is a common property and that its production and distribution may not be possessed by a certain group or individual and their or his/her interests. Attempts to democratize the access to knowledge appear to have become historical exceptions in times when knowledge is being economized and patented and education is being privatized and standardized, when discussions on elite universities are on the agenda and copying is made a crime. Today, knowledge based on ownership rights is treated both nationally and internationally as a promising commodity. According to Yann Moulier Boutang, knowledge, as an economic good, must possess two features to establish itself as a commodity: the principle of exclusivity and of rivalry in use: «Exclusivity means that by belonging to one owner everyone else is prevented from utilizing the rights on this economic good. Rivalry in use means that it is not compatible with another use.» (Moulier Boutang, 2003, p. 275)

However, for the reason that knowledge as a commodity is also based on cooperation and communication – value in the actual sense is attached to it only when used – the neo-liberal paradigm gets stuck in a dilemma. On the one hand, knowledge is intended for unrestricted use, while on the other, it has to be consumed as a commodity to generate value. The utility value of knowledge, though, as a commodity as well, can never be completely controlled or measured due to its immaterial form. This is proven by the innumerable examples of «illegal» software and data use, alternative information channels, anti-globalisation newsgroups, and MPG downloads. The neo-liberal paradigm gets into trouble, because controlled access to knowledge goods and information not only creates new global differences in power, new forms of resistance and subversive practices, but also entails that it becomes dependent on knowledge practices and forms of acquisition that cannot be generated and administered institutionally only and that are not promoted or funded, but are instead distinguished by the fact that they organize themselves. The much-hyped market of neo-classical theory thus proves to be precarious in terms of providing the necessary resources for producing knowledge, which it in turn needs for its competitiveness. The fact that the existing, aforementioned logic of ownership, which turns knowledge into a commodity, simultaneously hinders «innovation», constitutes a fundamental contradiction in the current debate on intellectual property. While it was always a problem for capitalistic societies to protect private property, protection of ownership with regard to knowledge as a commodity now becomes an irresolvable and above all contestable paradox.

Parallel to the world-wide resistance against the economisation of knowledge, the most radical educational reform since the introduction of compulsory school attendance is being carried out in Europe. Knowledge production and distribution at educational institutions is reorganized by the Bologna Declaration; the bureaucratic apparatus and new structures of control (quality management, etc.) are being expanded. As a result, the situation of knowledge workers is becoming increasingly precarious, and pressure is put on students to adhere to new logics of time and efficiency. This means that institutes at public universities must themselves organize and finance their work entirely through third-party funding, while at the same time statements of achievement are published in glossy brochures, elite study programs are established, and new staff is employed to enforce the policy of reform which is aimed at standardizing the ways in which knowledge is imparted. It also means that lecturers are fired and the duration of study is reduced. All this abolishes studies in the literal sense of the word, while certain fields of learning and knowledge production are outsourced. [1]
In addition private marketers have established themselves on the education market today. They sell learning and training units for all age-groups and all situations in life, ranging from computer-science courses and language travels, to esoteric seminars and creativity training. The demand for equal opportunities for all, as well as efforts – stemming from the reform movement – «to develop» the entire personality is replaced by an educational package that is customised to fit one’s personal needs and can be completed in a short period of time, albeit only by those who can afford it.

So the field of tension between ownership rights and common property is a conflictual one, not only for neo-liberal argumentation or our ways of working and living, but also for knowledge production in traditional educational institutions. This conflict is becoming increasingly intense under the conditions of a knowledge-based economy, because what the neo-liberal knowledge managers and education bureaucrats are trying to enforce against the resistance of students and the teaching staff is based on the assumption that knowledge can be produced like in a factory and can therefore be accelerated and optimized, and that access to knowledge can be controlled in a capitalistic sense by means of issuing patents and monetization and by exclusively being linked to a specific use.

Against the background of the current university reform and the populist debate on the so-called state of emergency in education, I tried to use the class room of the University of Lüneburg, to which I was invited by it’s Kunstraum, to create a critical space to negotiate this developments. Along with lecturers and students of art sociology and visual studies of the University of Lüneburg we conducted research on the history of educational reforms from the 1960s until today, as well as on the tradition of critique of university knowledge spaces and analysed them with regard to their possible adaptation in present debates. With the analysis of the papers of the Bologna Conference and the European reform process associated with it, as well as the theses of <The New Spirit of Capitalism> by Luc Boltanski and Eve Chiapello, a multi-stage seminar began in the winter of

В свете неолиберальных подходов к образованию и дискуссий вокруг интеллектуальной собственности, все сложнее становится отстаивать мысль, что знание – это общая собственность, производство и распространение которой не может контролироваться тем или иным лицом или группой лиц и определяться их интересами. Попытки демократизировать доступ к знанию превратились, кажется, в исторические исключения сегодня, когда знание становится товаром и патентуется, а образование приватизируется и стандартизируется, когда обсуждается создание элитных университетов, а копирование считается преступлением. Сегодня знание, оберегаемое правами собственности, рассматривается как прибыльный товар и на уровне национальных государств, и в международном масштабе. Как пишет Янн Мульер Бутан, для того, чтобы стать предметом потребления, знание в качестве экономического блага должно основываться на двух принципах: эксклюзивности и соперничества в пользовании: “Эксклюзивность подразумевает, что принадлежность одному владельцу препятствует использованию данного экономического блага другими людьми. Принцип соперничества означает, что <определенное> знание не применимо в других областях” (Мульер Бутан, 2003, стр. 275).

Однако, поскольку знание в качестве товара основывается также на сотрудничестве и коммуникации – ценность в собственном смысле закрепляется за ним только при использовании, – неолиберальная парадигма сталкивается с дилеммой. С одной стороны, знание подразумевает неограниченное использование, с другой же, для производства стоимости, знание должно потребляться как любой товар. При этом полезную стоимость знания, даже в качестве предмета потребления, невозможно полностью контролировать или измерять по причине его нематериальной природы. Это доказано бесчисленными примерами “незаконного” использования компьютерных программ и данных, альтернативных информационных каналов, сетевых форумов антиглобалистов и зачатки видео. Неолиберальная парадигма сталкивается с трудностями, поскольку контролируемый доступ к благам знания и информации не только создает новые глобальные различия во власти, новые формы сопротивления и субверсивных практик, но также влечет за собой зависимость от практик знания и форм его получения, которые не могут создаваться и управляться только лишь институционально и которые не продвигаются и не финансируются, но, напротив, отличаются тем, что организуют себя сами. Превозносимый неоклассической теорией рынок оказывается, таким образом, ненадежным (precarious) в плане обеспечения необходимых ресурсов для производства знания, которое, в свою очередь, требуется ему для поддержания конкуренции. Тот факт, что существующая логика прав собственности, описанная выше, превращает знание в товар, одновременно препятствуя «инновативности», составляет фундаментальное противоречие в текущих дебатах по поводу интеллектуальной собственности. Хотя для капиталистических обществ защита частной собственности всегда представляла проблему, охрана права собственности на знание как товар ныне становится неразрешимым и в высшей степени спорным парадоксом.

Параллельно всемирному сопротивлению превращению знания в отрасль экономики, в Европе разворачивается наиболее радикальная образовательная реформа со времен введения обязательного школьного обучения. Производство и распределение знания в образовательных институтах реорганизуется согласно Болонской декларации; бюрократический аппарат расширяется, вводятся новые структуры контроля (менеджмент качества и т.д.). В результате, положение работников сферы знания становится все более непрочным (precarious), а студенты оказываются под давлением новой логики времени и эффективности. Подразумевается, что институты, входящие в государственные университеты, должны самостоятельно организовывать и обеспечивать собственную работу целиком с помощью финансирования третьими лицами, тогда как одновременно в глянцево брошюрах публикуются отчеты о достижениях, учреждаются элитные программы обучения, нанимаются новые сотрудники для проведения политики реформ, нацеленных на стандартизацию способов передачи знания. Также это подразумевает увольнение педагогов и сокращение времени обучения. Все это отменяет учебу в буквальном смысле слова, тогда как определенные области изучения и производства знания переводятся в другие регионы <для снижения себестоимости>. (1)
В дополнение к этому, частные маркетологи заняли сегодня свое место на рынке образования. Они продают программы обучения и тренингов для всех возрастных категорий и всех жизненных ситуаций – от курсов по теории вычислительных машин и систем до изучения языка в путешествиях, от эзотерических семинаров до развития творческих способностей. Требование равных возможностей для всех и свойственная реформистскому движению работа над «развитием» личности в целом заменяется пакетом курсов, подобранных согласно частным нуждам, которые можно пройти за короткое время, хотя доступны они лишь тем, кто может себе это позволить.

Таким образом, область напряженности между правами собственности и общественным достоянием оказывается конфликтной, не только для неолиберальной аргументации или наших подходов к работе и к жизни, но также для производства знания в традиционных образовательных учреждениях. Конфликт этот становится все более интенсивным в условиях базирующейся на знании экономики, поскольку неолиберальные менеджеры знания и бюрократы от образования пытаются противопоставить борьбе студенчества и педагогов идею, что знание может производиться заводским методом, и, следовательно, производство можно ускорить и оптимизировать, а доступ к знанию можно контролировать в капиталистическом смысле – через выдачу патентов и монетаризацию, а знание может быть эксклюзивно прикреплено к определенной области использования.

2005/2006. It aimed at examining whether the reform models of the 1960s and 70s could serve as a model (in particular, according to the inspirational Cite and the projects-oriented Cite in the sense of Boltanski / Chiapello) to legitimate the current restructuring of educational institutions. Further the question was raised, whether the changes are primarily based on economical considerations related to principles of the market and of efficiency (according to the industrial and market Cites) resulting in a re-disciplining of students and lecturers and a further bureaucratisation of structures? Also the hypothesis was pursued, that interprets the recent changes as a partial return to the hierarchical university of the 1960ies, heavily dominated by professors and grounded in a neo-conservative world-view.

Due to the topicality of the debate, <reformpause> intervened in the campus with a poster and wall newspaper action. The wall newspaper, which takes up the format of the <plakat> newspaper of the student movement in the 1970s, has a screen print poster on the front and four newspaper editions at the back. In this <plakat> editions, students present their research work and texts focusing on equal opportunity / state of emergency in education, human capital / the subject of the educational reform, new requirement profiles / the imperative of mobility, student protests 1968 ff / The European dimension: the Bologna process and its instrumental political use. Additionally at lecture halls and seminar rooms a „pausenkino” was be programmed between courses in which the discussion on and the critique of educational institutions and concepts were brought back to the campus by means of historical and present-day films and video works. The titel and the programming of „pausenkino” related to the time of breaks meanwhile studying on the campus. [2] In May 2006 a workshop referred to historical and current struggles for an alternative production of knowledge as well, because the question accompanying the ongoing reform process and the standardisation of studies is: Which practices of „other spaces of knowledge” are productive today for new subjectivities, alliances and political coalitions, and how, from this point of view of informal knowledge production and self-learning, could an adequate contemporary critique of educational concepts and reforms be established? [3]

The alternative utilization of canonized spaces for debates, meetings, workshops, film programs, and community projects by groups of artists, leftist, anti-racist and feminist collectives, and consumers has commenced and can be regarded, in the sense of Michel de Certeau, as the attempt to appropriate and redefine hegemonic structures – knowing very well that they will not just «disappear». A corresponding transgressive and hybrid theory-practice in the academic field, provided with the appropriate resources, still remains an exception. In contrast to the debates in the cultural and activist field, the restructuring and privatization of the educational system, as well as the notion of knowledge as an economic good of a so-called (knowledge-based economy) fail to recognize the transgressive dynamics inherent to all knowledge, be it elitist, indigenous or popular: It changes and spreads through everyday readings, orally, through popular appropriation, and medial reinterpretation. It is altered through misuse and new interpretations, becoming a rumour or a lie; its meaning is increasingly shifted through contextualization or indigenization. Knowledge practices, then, that belong to the readers and not to the authors and the managers of the rights of exploitation produce new knowledge on a daily basis, knowledge that is linked to social relations and engenders new socialities. These forms of world-wide and often local knowledge practices were perhaps the most innovative long-distance runners in the history of knowledge production. In contrast, the fixation on authorship, notation, administration, and the monetary profitability of knowledge, which stands in a specific relation to precisely these forms of knowledge, harbours huge drawbacks that the current neoliberal regime is by no means willing to resolve. The current European educational policies promote the opposite, because they neither guarantee the knowledge required on the new flexible labour markets – it is instead privatized in often dubious advanced training offers – nor do they provide the time and resources needed to develop social and communicative abilities that today count as qualification. Which means that the knowledge-based economy <corrupts> life and social interaction in a parasitic way.

The project <reformpause> was generated by Marion von Osten in collaboration with Christiane Autsch, Kristina Geertz, Ludmila Gerasimov, Julia Hammer, Rahel-Katharina Hermann, Katharina Looks, Jenny Nachtigall, Maria Petersen, Kathrin Roes, Stephanie Schneider, Frauke Schnoor, Stephanie Seidel, Valentina Seidel, Nike Thurn, Anna Till and the Kunstraum of the University of Lüneburg

Marion von Osten (1963), an artist, author and curator, lives in Berlin

Footnotes:

1. The aim of the Bologna-Declaration from 1999 is to introduce an european reform process of higher education to create one standardized european research and education space that is based on the anglo-saxon and/or u.s. american model. The Bologna process create a new competitive relation between european universities and colleges, as well as for the subjects of learning and teaching, as they are requested to be mobile and flexible and to invest in their education and „human capital“. Additionally, the Bachelor and Master degrees generate new hierarchies in the european labor market, as they only garantuee the smaller group of master students a scientific research career.
2. The film selection was compiled in collaboration with Madeleine Bernstorff. Films in the <pausenkino> were shown by: Claudia Alemann, Lindsay Anderson, Danielle Huillet & Jean-Marie Straub, MeineAkademie, Daniel Schmid, Gus van Sant, Cecilia Wendt und Frederick Wiseman.
3. From May 19 - 20, 2006 the „Making Worlds” workshop took place with the project group <reformpause>, the Kunstraum of the University of Lueneburg and members of the Institute of Cultural Theory and the guests Madeleine Bernstorff, Julia Franz, MeineAkademie Berlin, Preclab Forschungsgruppe Hamburg, Katja Reichard and Axel John Wieder.

На фоне проходящей реформы университетов и популистских дебатов по поводу так называемого чрезвычайного положения в образовании, я попыталась использовать аудитории Университета Лüneбурга, куда была приглашена университетской галереей, для создания критического пространства обсуждения создавшейся ситуации. Вместе с преподавателями и студентами социологии искусства и визуальности, мы провели исследования истории образовательных реформ с 1960-х годов до наших дней, а также исследования традиции критики университетских пространств знания, и проанализировали все это на предмет возможной адаптации к текущей ситуации. Долгосрочный семинар начался зимой 2005/2006 с рассмотрения документов Болонской конференции и связанным с ней процессом реформ в Европе, а также с анализа диссертации Люка Болтански и Евы Чьяпелло “Новый дух капитализма”. Задачей семинара было проверить, могли ли модели реформ 1960-х и 1970-х годов служить моделью для легитимации текущей реструктуризации образовательных учреждений. В дальнейшем был поднят вопрос, основываются ли эти изменения главным образом на экономических соображениях, связанных с принципами рынка и эффективности и ведущих к переобучению студентов и преподавателей, а также к дальнейшей бюрократизации структур? Также была проверена гипотеза, которая рассматривает недавние реформы как частичное возвращение к иерархическим университетам 1960-х, под жестким контролем профессуры с неоконсервативным мировоззрением.

Вследствие всеобъемлющности вопросов, проект <reformpause> вторгся в жизнь кампуса при помощи постеров и стенгазет. Стенгазеты заимствуют форму газеты <Plakat> студенческого движения 1970-х: четыре листа, лицевые стороны которых вместе складываются в графический постер, а на обратной стороне – четыре полосы материалов. С помощью этих “Плакатов” студенты представляют результаты исследовательской работы и тексты, посвященные равным возможностям / чрезвычайному положению в образовании, человеческому капиталу / субъектам образовательных реформ, спискам новых требований / императивам мобильности, студенческим протестам 1968 / европейскому измерению:

Болонскому процессу и его инструментальному политическому применению. Кроме того, в перерывах между курсами в аудиториях показывались фильмы серии <pausenkino>, где дискуссия и критика образовательных институций и концептов возвращается на кампус средствами былых и современных кино- и видеоработ. Название и показ <pausenkino> связаны со временем перерывов в занятиях на кампусе. (2) В мае 2006 года был проведен воркшоп, посвященный борьбе за альтернативное производство знания в прошлом и сегодня, поскольку продолжающемуся процессу реформирования и стандартизации обучения сопутствует следующий вопрос: “Какие практики “иных пространств знания” продуктивны для новых субъективностей, альянсов и политических коалиций, и как, с точки зрения неформального производства знания и самообучения, может быть учреждена адекватная современности критика образовательных концептов и реформ?” (3) Началось альтернативное использование канонизированных пространств для дискуссий, встреч, воркшопов, кинопоказов и общественных проектов, созданных художественными, левацкими, антирасистскими и феменистскими коллективами – можно, следуя Мишелю де Серто, назвать это попытками присвоения и переопределения структур гегемонии, при полном понимании, что они не “исчезнут” просто так. Соответствующая трансгрессивная и гибридная теория-практика в академическом поле, располагающая адекватными ресурсами, по-прежнему остается редкостью. В отличие от споров в сферах культуры и активизма, реструктуризация и приватизация образовательной системы, а с ними и понимание знания как экономического товара в так называемой <основанной на знании экономике>, отказываются признать трансгрессивную динамику, свойственную любому знанию – элитарному, врожденному или популярному: оно меняется и распространяется через ежедневное чтение, устно, путем массовой апроприации, медийной

реинтерпретации. Оно преобразуется вследствие злоупотребления и новых интерпретаций, становится слухами или ложью; его значение все больше смещается вследствие контекстуализации и превращения в “естественное”. Следовательно, практики знания, принадлежащие не авторам и менеджерам прав на эксплуатацию, а читателям, производят новое знание ежедневно, и знание это связано с социальными отношениями и порождает новые социальности. Такие формы всемирных, а часто и локальных практик были, возможно, наиболее инновативными и долгоживущими в истории производства знания. Напротив, одержимость авторством, записью, администрированием и денежной доходностью знания, которое находится в особенном отношении именно к этим формам знания, скрывает огромные недостатки, которые сегодняшний неолиберальный режим совершенно не собирается исправлять. Нынешняя образовательная политика в Европе настаивает на обратном, поскольку она не обеспечивает ни знания, требуемого новыми гибкими рынками труда – вместо этого оно приватизируется в зачастую спорных продвинутых тренинг-курсах, – ни времени и ресурсов, необходимых для развития социальных и коммуникационных способностей, приравненных сегодня к квалификации. А значит, основанная на знании экономика встраивается в жизнь и социальные отношения подобно паразиту.

Примечания:

1. Целью Болонской декларации с 1999 года является введение европейской реформы высшего образования для создания стандартизированного европейского пространства исследования и обучения, основанного на англо-саксонской и/или северо-американской модели. Болонский процесс создал новые, конкурентные отношения между европейскими университетами и колледжами, между субъектами обучения и преподавания, поскольку от них требовалась большая мобильность, гибкость, инвестиции в свое образование и “человеческий капитал”. Кроме того, степени Бакалавра и Магистра создают новые иерархии на европейском рынке труда, поскольку научно-исследовательская карьера гарантируется теперь лишь меньшей группе студентов-магистрантов.

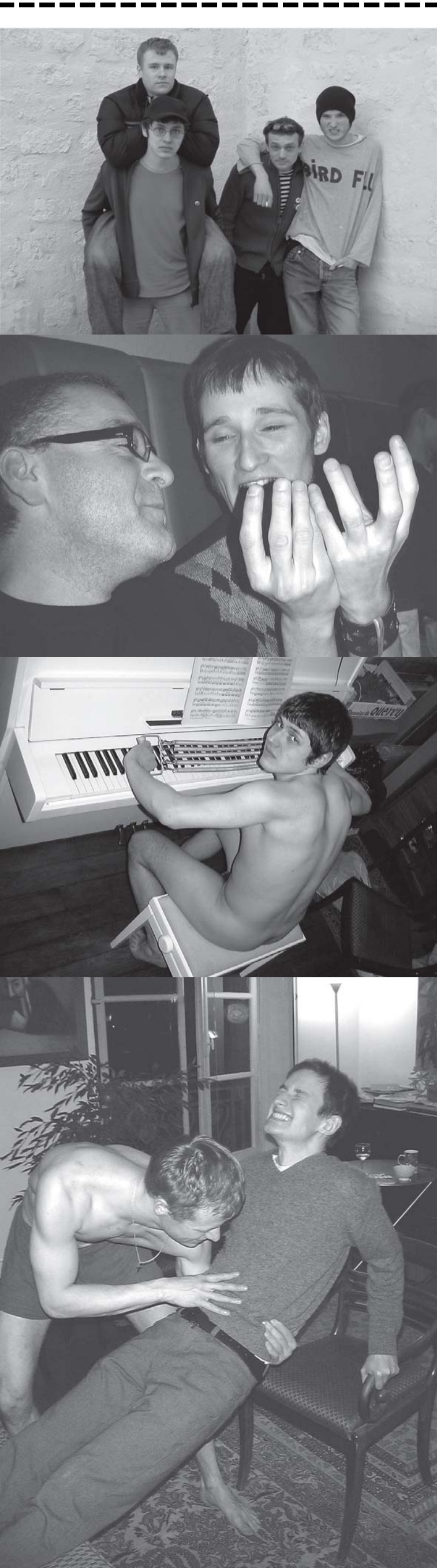
В течение последних полутора лет мне довелось в ряде проектов тесно сотрудничать с итальянским куратором и искусствоведом Марко Скотини и, часто бывая в Италии, общаться с группой миланских художников Альтерации видео. Марко, будучи деканом факультета визуальных искусств в Новой Академии изящных искусств, критиком и педагогом, на своем курсе отдает предпочтение максимально практической форме взаимодействия - воркшопу, т.е. когда близко общаются те, кто преподают - со студентами. Воркшоп Общества Радек, например, строился исключительно на “обмене опытом”; этот опыт включал в себя дисциплину, которую можно назвать “современное проживание” — от бытовых задачек по самоидентификации молодого человека до эпатажных “политических” акций. Марко поощряет фантазии студентов, предметом которых непременно должна стать какая-нибудь выходка. Для Марко весьма важным остается дискурс, который гарантирует преемственность левой риторики и интеллектуальной традиции.

Деятельность Альтерации Видео носит категорически автономный, но при этом мультидисциплинарный и сетевой характер. То, что они делают, напрямую связано с легальным и нелегальным использованием новейших технологий и программ, практическими экспериментами с электроникой. Пиратское радио и телевидение, удивительные мистификации в области паблисити несуществующих медиа-звезд, эстетические интерпретации лабораторных научных (например, физических) экспериментов.

В деятельности этого и подобных коллективов, в феномене, который мы называем самообразованием (еще и в смысле само-созданности, само-организованности) не знания и информированность играют центральную роль. Для Общества Радек – самообразование всегда заключалось, в основном, в интеллектуальном фантазировании, углубленной (до перверсивности) вдохновенности теорией, “домашнем” и локальном ситуационизме.

Невозможно обсуждать тему самообразования вне связи с колоссальным кризисом, который целиком пронизал сегодня сферу гуманитарного знания и социальной практики. Художественное и «интеллектуальное» поведение пропитаны массой вирусов, будь то медийная известность, пренебрежение качеством и достоверностью взамен повышению тиражности и увеличению скорости. В понятии самообразования, которое мы обсуждаем в нашем проекте, изначально заключена критическая дистанция в отношении того или иного образования – государственного, институционального, академического. Однако альтернативой часто становится попросту другая крайность - хулиганство, поведенческий анархизм, программное невежество, или же фрагментарная начитанность пополам с вульгарным активизмом. Как грибы выросли разные свободные, современные и другие университеты, нас окружают всевозможные лица, школы, мастерские по развитию актерского, предпринимательского и иных талантов. Во всех этих случаях преследуется лишь одна цель: преумножить взятый темп, не дать конвейеру остановиться, а процессу - притормозить.

Каков необходимый и достаточный “арсенал” современного самобразования? Активистский эксперимент может быть связан с технологией, в иных случаях он может предполагать наличие дубинки, краски, очков и кроссовки. Сравнивая возможные способы, я убеждаюсь, что наиболее важное условие того, что мы условно называем самообразованием, - это взаимосвязь, скажем так, фантазирования и технологий, то есть соотношение не-материальной и материальной «оснащенности» субъекта, которые должны дополнять друг друга.

Over the last one and a half years, I have had the chance to collaborate closely with the Italian curator and critic Marco Scotini and, on frequent visits to Italy, to communicate with the Milan-based artist-group Alterazioni Video. As the dean of visual art at the New Academy of Fine Arts, as a critic and teacher, Marco prefers forms of interaction that are as practical as possible. In his classes and workshops, *those who teach* enter into close communication with students. For example, the workshop of the Radek Community was exclusively structured around “the exchange of experience;” this experience included a discipline that could be called “contemporary living,” ranging from the day-to-day problems of a young person’s self-identification to provocative “political” actions. Marco encourages his students to immediately set their imaginations to work on the object of excess. Throughout, discourse remains quite important, since it guarantees the continuity of a leftist rhetoric and its intellectual tradition. The activities of Alterazioni Video are categorically autonomous, but at the same time, they are all about multidisciplinarity and networking. What they do is directly connected to the legal and illegal use of the newest technologies and programs, to practical experiments with electronics, including pirate radio and televisions, astounding mystifications in the realm of PR campaigns for non-existing media stars, aesthetic interpretation of laboratory experiments (in physics, for example). In their activities and in those of similar collectives, in the phenomenon that we call self-education (in the sense of self-constitution and self-organization), the lack of knowledge and information are not the most important things. For the Radek Community, self-education has always consisted of intellectual flights of fancy, intense theoretical inspiration (to the point of perversity), and “homemade,” local situationism.

It is impossible to discuss the subject of self-education without taking into account the colossal crisis that has permeated all areas of knowledge in the humanities and all social practices. Artistic and “intellectual” behavior is saturated by a mass of viruses, be they media-fame or disdain for quality and authenticity in favor of heightened reproductive quantity and speed. From the very beginning, the notion of self-education that we are discussing in this project entails a critical attitude toward *any form of education*, be it through the state, institutions, or academies. However, all too often the alternative simply goes to the other extreme, becoming hooliganism, behavioral anarchism, programmatic ignorance, or fragmentary erudition mixed in with vulgar activism. *Free, contemporary* and other universities have sprouted up like mushrooms; we are surrounded by all kind of colleges, schools, and workshops for the improvement of theatrical, entrepreneurial, or other skills. All of these case pursue but one goal: to speed up the current pace, to keep the conveyor going while slowing down the process. Which “arsenal” does contemporary self-education need? What would be enough? The activist experiment can be connected to technology; in other cases, it can require the presence of nightsticks, paint, glasses, and sneakers. In comparing the possibilities, I am more and more convinced that the most important condition of what we call self-education is the relation between imagination and technology, that is the connection between the subject’s immaterial and material “instruments,” which need to complement one another.

Петр Быстров (1980), художник, член общества «Радек», живет в Москве

Pyotr Bystrov (1980), artist, member of the Radek Community, lives in Moscow

Abriendo Caminos
Self-physiology

When the brain learns something new it generates its own opioids. Opium and morphine do not completely cancel the perception of pain, but rather cancel its affective aspect: “I am in pain but it doesn’t affect me.” They reduce the phantasmagoric component of pain, the part that frightens. The affective component of fear is reduced only by learning to detach paralyzing anxiety from fear of real danger. By understanding that much of what we experience and feel is not an exclusive property of our individual experience, but rather something we share with many others, we can move away from egocentric suffering and confront, along with others, the social contradictions that express themselves through our bodies.

Dr. Joseph Feelgood, “Hacia una fisiologia de las luchas emancipatorias”, p. 19, Ed. See you Later, Alligator 2006

Learning is an essential element of both our activities and of collective reflection on what we do and what we want to do. We try to be aware of the steps we take. We often feel there is not much time. We struggle with anxiety, that very urban malaise linked to uncertainty over our capacity to be a consumer or, more directly, to survive. Abriendo Caminos conceives learning as both a practice of construction and a political project: a very partial education strategy. [The name Abriendo Caminos means Opening Roads – tr.] We believe that local struggles with the communication media gangs that are part of the logic of imperial power are very uneven. They cannot be reduced to a pitched battle to conquer the audience or to seize control of the means of symbolic production, which under certain conditions can be desirable. We do not think that there is one exclusively valid form of struggle. Our goal is for the audience to cease to exist along with the spectacle that allows it to exist and gives shape to it; our desire is for consumers of symbols to recognize themselves as subjects capable of consciously acting in order to carry out their own symbolic production. We find that the experience of filming, editing, and broadcasting expands the capacity to criticize media language and defetishizes the means of image production, while simultaneously producing a creative and increasingly autonomous time. That does not mean that we know how exactly we learn or that we use tactics precisely which can be reproduced and are proven to be effective. We learn along the way, with the symbolic and material resources available at the moment. We try not to specialize, nor do we all neurotically try to know the same things. Complementarity of knowledges and reactions in the face of the same situation can be a source of power and cohesion. Diversity is a weapon that has not been explored enough: the “Benetton” discourse that neutralizes diversity is going to explode when we learn to better coordinate politically incorrect diversities and when we are able to agree on moments in which we can concentrate our energy in the same point of instability, and within moments of dispersion across different fronts.

*****

The discussion of subjectivity forces us to take responsibility for our own identity as it has been constructed by social forces and by ruptures with those forces: to know our own history within History. The reduced space that this quest has historically been given in historical narratives might be partially explained by the dynamics of the Cold War, in which the West claimed monopoly over the exaltation of the individual while the East laid claim to the collective. But present conditions are different. There are many new struggles, ideas, investigations, and experiments, still minoritarian but growing, that make it possible to genuinely talk about subjective aspects of existence—ours and others’. These are more felicitous sketches of the relation between the individual and the collective. But, at the same time, in those discussions there is too much noise, too many exercises that neutralize the power (potencia) of the conflicting subjectivities: states in which the relation between material and subjective conditions are not problematized. We see this in the difficulty in openly discussing our own strategies of material reproduction, the inability to see the diversity of developing subjectivities and how the latter are moored to different forms of exploitation and alienation. In order for those exploratory discussions to be different from market research on consumer profiles, and to avoid feeding them, we need to address our own contradictions, acknowledge them and avoid conceptions that claim moral purity, so common among the petty “vanguards” of big cities.

*****

Those who venture into institutional spaces, whether to use their resources or radicalize conflicts in those spaces, are usually confronted with a sense of unease when they face a sponge-like medium, always thirsty to absorb all kinds of representations, but hesitant when it comes to give the material and symbolic tools it cares so much about to spaces in which there is some kind of true friction. Like sponges, one would like to squeeze them so that they release more. At times the medium seems viscous: every spontaneous movement that tries to liberate itself from schedules and other bureaucratic demands of business logic finds itself trapped amidst the viscosity of the medium, of those who want to earn a safe place and remain in it, only looking upwards.

It can be more useful to regard artistic events in institutional spaces as a misunderstanding: an instant alliance of different and even opposite interests, of tactics that seek to build incompatible strategies. Sometimes nobody immediately wins in those moments. What matters is what kind of identities manage to create more meaning and more of a future within them.

*****

Abriendo Caminos is a collective of journalism that was born in 2003 by decision of social organizations of unemployed workers and neighbors of Claypole, 25 km south to Buenos Aires. La Comunitaria TV, Radio Abierta La Gomera, radios La Terraza y El Sotano, our paintings on the walls and printed press are all members of Abriendo Caminos. The name comes from a piquetero motto: “cortando rutas, se abren caminos” that means “cutting (obstructing) routes, new roads are opened”

Abriendo Caminos
Самофизиология

Когда мозг научается чему-то новому, он генерирует собственные эндогенные наркотики, опиоиды. Опиум и морфин не подавляют полностью ощущение боли, но они нейтрализуют ее эмоциональное воздействие: «мне больно, но меня это не волнует». Они ослабляют фантасмагорический компонент боли, тот, что пугает. Аффективный компонент страха ослабляется только благодаря обучению, которое позволяет отделять парализующее удушие страха от реальной угрозы. Поняв, что большинство из того, что мы переживаем и чувствуем, не является исключительным достоянием нашего индивидуального опыта, но есть нечто такое, что мы разделяем со многими другими, мы сможем отойти от эгоцентрического страдания и посмотреть, вместе с другими, в лицо социальным противоречиям, которые выражаются через наши тела.

Др. Джозеф Фидгуд, «Физиология освободительных движений», 2006

Обучение – важнейший элемент как нашей деятельности, так и коллективных размышлений о том, что мы делаем и что мы хотим делать. Мы пытаемся осознанно совершать все наши шаги. Зачастую мы чувствуем, что времени очень мало. Мы боремся с мучительным страхом, этим городским недугом, связанным с неуверенностью в наших возможностях быть потребителями или, скажем без обиняков, просто выжить. «Открывая пути» (Abriendo Caminos название коллектива из Буенос Айреса) понимает обучение одновременно и как практику строительства, и как политический проект: весьма пристрастная стратегия по воспитанию. Мы считаем, что в борьбе на местах с картелями средств массовой информации, которые входят в состав имперской власти, силы далеко не равны. Эти битвы не сводятся к генеральному сражению за аудиторию или за власть над средствами символического производства, что при определенных условиях может быть желаемо. Мы не думаем, что есть только одна-единственная действенная форма борьбы. Наша цель состоит в том, чтобы аудитория перестала существовать вместе со спектаклем, который ее формирует и который дает ей возможность существовать; мы хотим, чтобы потребители символов осознали себя субъектами, способными действовать сознательно и осуществлять свое собственное символическое производство. Мы выяснили, что опыт кино съемки, монтажа и трансляции увеличивает способность критически подходить к языку масс-медиа и дефетишизирует средства производства образа, порождая одновременно насыщенное творчеством и независимое время. Это не означает, что мы точно знаем, как мы обучаемся, или что мы используем именно те тактики, которые можно копировать и которые доказали свою эффективность. Мы учимся на ходу, используя те символические и материальные ресурсы, которые доступны в данный момент. Мы стараемся не специализироваться, но и не сходить с ума, пытаясь узнать все. Взаимодополняемость знаний и реакций на одну и ту же ситуацию может быть источником силы и сплоченности. Многообразие – это оружие, которое еще недостаточно изучено: нейтрализующий многообразие дискурс «Бенеттона» взлетит на воздух, когда мы научимся лучше координировать политически некорректные множества и когда сможем прийти к согласию по поводу тех моментов, когда следует сконцентрировать нашу энергию в одной неустойчивой точке, а когда – рассредоточить ее по разным фронтам.

*****

Дискуссия о субъективности обязывает нас взять ответственность за нашу собственную идентичность, как она была сформирована социальными условиями и разрывами с этими условиями: познать нашу собственную историю изнутри Истории. Тот факт, что этому поиску в исторических трудах традиционно отводится мало места, отчасти, наверное, можно объяснить динамикой Холодной войны, в которой монополию на восхваление индивида захватил Запад, а монополию на коллективное – Восток. Сегодня, однако, условия иные. Возникли новые противостояния, идеи, исследования и эксперименты, еще миноритарные, но набирающие рост, которые позволяют честно говорить о субъективных аспектах существования – и нашего, и других. В них предлагаются более удачные схемы отношений между личностью и коллективом. Но в то же время, в этих дискуссиях слишком много шумихи, слишком много упражнений, нейтрализующих потенциал (potencia) конфликтующих субъективностей: положений, в которых отношения между материальными и субъективными условиями не проблематизированы. Это проявляется в затрудненности открытого обсуждения наших собственных стратегий материального производства, в неспособности видеть многообразие развивающихся субъективностей и то, насколько эти последние привязаны к различным формам эксплуатации и отчуждения. Для того чтобы эти дискуссии отличались от исследований в сфере маркетинга, посвященных особенностям потребления, и чтобы они их не питали, необходимо обратиться к нашим собственным противоречиям, признать их и избавиться от концепций, претендующих на моральную чистоту, столь характерных для маленьких «авангардов» больших городов.

*****

Тех, кто отваживается проникнуть в институциональные пространства – для того ли, чтобы использовать их ресурсы, или радикализировать зреющие в них конфликты, – обычно посещает чувство неловкости, когда они сталкиваются с губчатой средой, всегда готовой абсорбировать любой тип репрезентации, но медлящей в нерешительности, когда дело доходит до передачи материальных и символических средств, о которых эти институции так пекутся, туда, где имеют место настоящие разногласия. Это как с губками – хочется сжать их сильнее, чтобы побольше из них выжать. Иногда эта среда кажется вязкой: любое спонтанное движение, которое пытается освободиться от расписаний и прочих бюрократических требований меркантильной логики, увязает в трясине тех, кто хочет заполучить тепленькое место и на нем оставаться, глядя исключительно вверх.

Возможно, целесообразнее смотреть на художественные события в институциональных пространствах как на недоразумение: мимолетный альянс различных и даже противоположных интересов, тактик, которые стремятся выстроить несовместимые стратегии. Иногда в такие моменты никто не побеждает мгновенно. Важно то, какие идентичности сумеют создать больше смысла и перспектив на будущее.

*****

Открывая пути (Abriendo Caminos)

Эррористский Интернационал (& Etcetera...)
Заметки о раз-образовании и эрроризме

Ошибка – это феномен, который определяет последовательность событий, вычерчивает линии на карте жизни. (эрроризм основывает свои действия на ошибке)
Ошибка – это отрицающее утверждение, или размышление над другим возможным результатом.
Традиционное образование дает уроки на конкретных примерах, использует ошибку как переменную, чтобы судить о знаниях. В традиционном образовании ошибка должна быть исключена. Каждого, кто так или иначе переживет ошибочный опыт, наказывают.
Речь идет о том, чтобы, с одной стороны, свести к минимуму сознание того, что ошибка есть что-то позитивное, но, с другой стороны, многое заимствуется у диалектичности метода проб и ошибок, и все это ложится в основу обучения.

Когда ребенок в школе «ошибается», его (в зависимости от того, кто его наставник) поправят, накажут, исключат или раскритикуют. В этом обществе и этой образовательной системе ошибка приговорена. Однако для эррористов ошибочный опыт – это познавательный опыт. Знание и опыт приобретаются, переживаются и передаются, хотите вы этого или нет, за счет переживания «ошибочного опыта». В этом обществе, где «ошибаться» является преступлением, жизнь стремятся подчинить воинствующим законам рынка и потребительских концлагерей, в этом самом обществе, утопающем в непрерывных поисках «эффективности и оптимизации» всех взаимоотношений.

Присутствие и дальнейшее пребывание ошибки в нашей жизни неизбежно. Ошибка – это как смерть по отношению к жизни: (ошибка) всегда была и всегда будет, в том числе здесь и сейчас, пока вы читаете этот текст. Ее материализация или ее видимость зависят только от тех параметров, по которым измеряют глубину и революционный потенциал каждой маленькой или большой ошибки. Ошибка учит, но в процессе раз-образования. Приятие постоянного присутствия ошибки в реальности освобождает и ведет к новому видению и участию по отношению к жизни. Ошибка освобождает. Ошибка – это постоянный источник вдохновения.

Исчезновение боязни «ошибиться», «впасть в ошибку», ведет к преодолению границ и вызволению творческого потенциала, который находился в латентном состоянии, игнорируемый структурами, определяющими с моральной точки зрения ценности и модели социального поведения на основе традиционного воспитания.

Мы, эррористы, заявляем о неотложной необходимости всеобщего раз-образования. Совокупности групповых проектов, опытов по передаче и обмену знаниями и навыками, самообразования индивидов и коллективных субъектов, которые берут саму жизнь в качестве объекта исследования.
Чтобы люди взяли на себя активную роль в обществе, эмпирическую и соучаствующую, для согласования пространств сопротивления и борьбы за раз-образование и освобождение ошибки.

Поэтому в этом пространстве, в городе Москве, в России, в 2006 году, мы предлагаем следующий Эррористский Эксперимент по Раз-образованию:

«Генеалогия ошибки»

Генеалогия ошибки – это психо-графический опыт, в котором предлагается дополнить генеалогическую карту ошибок своей жизни, отмечая те, которые, по вашему мнению, привели к слабым или сильным изменениям в вашей жизни. Эта карта начинается в настоящем, и отсюда пускает корни в прошлое, проходя через ваше детство – до тех пор, пока не достигнет момента рождения. (Некоторые из тех, кто уже совершил этот эксперимент, обнаружили изначальную ошибку в самом факте своего рождения) «Карты Генеалогии Ошибки» будут собираться и распространяться Эррористским Интернационалом при содействии группы Etcetera...

В ноябре 2005 года в Буэнос-Айресе, Аргентина, был основан «Эррористский Интернационал», в состав которого вошли участники из Аргентины, Бразилии, Боливии, Чили, Колумбии, Венесуэлы, Мексики, Франции, Италии, Испании, Германии, Австрии, Швеции, Канады, Румынии, Хорватии, США и Японии; в рамках запланированных акций протеста против присутствия президента США Джорджа Буша на съезде всех президентов стран американского континента (Американская встреча на высшем уровне) в городе Мар де Плата в Аргентине. Эррористский Интернационал участвовал в международном анти-съезде, названном «Народная встреча на высшем уровне», в которой участвовали представители общественных организаций, крестьянских движений, левых партий, неправительственных организаций и независимых средств массовой информации, правозащитных организаций, синдикатов и студенческих комитетов. Были проведены различные манифестации и культурные мероприятия. Все это происходило в городе, наводненном полицейскими и военными. Центр города был закрыт, его охраняли три полицейских кордона. Также можно было видеть военных моряков США, контролировавших улицы и пляжи. Там была оглашена первая декларация, которая сегодня открывает этот манифест: «МЫ ВСЕ ЭРРОРИСТЫ», вместе с серией эррористских акций, которые были реализованы во время уличных манифестаций протеста. Эрроризм родился по ошибке: Во времена цензуры мы вынуждены форсировать наши языковые средства, довести метафоры до максимума, говорить, не называя. Мы не можем использовать слова «(Т)ерроризм» и «(Т)еррористический» из-за их невероятного символического веса и «опасности», и поэтому мы прячемся за игрой слов. Так родился Эрроризм, по ошибке. Кто-то, кто писал текст, забыл нажать на одну клавишу. Сегодня, эрроризм и его акции пользуются широкой поддержкой международного сообщества, распространяя свои практики и свою философию, создавая новые автономные ячейки Эррористского Интернационала, которые распространяются по всему миру. Мы должны вернуть Системе немножко ее собственного яда: ОШИБКА, ЕЩЕ ОШИБКА!! Присоединяйтесь к рядам Эррористского Интернационала!

Erroristas Internationalle (& Etcetera...)
Notes on De-Education and Errorism

Error is the phenomenon that determines the order of events, draws the lines of life’s map. (*Errorism bases its action in error*)
Error is a negative affirmation, or a speculation about another possible outcome.
Traditional education teaches by examples; it uses error as a variable to measure knowledge. In traditional education error would be eliminated. Sanctioning, in a way, that which passes through the experience of error.
On one hand, it attempts to minimize to the maximum degree the idea that error is something positive, while, on the other hand, it lives off of the dialectic of trial and error in order to constitute the very matrix of the educational system.

When a child in school “is wrong,” he or she will be (depending on the guide at his or her side) encouraged, punished, ostracized, or criticized. In this society and educational system error condemns. But for the Errorists the experience of error is the experience of knowledge. So knowledge and experience are acquired, lived, and transmitted, like it or not, through the experience of error.

In a society where “erring” is criminalized, one attempts to structure one’s life under the martial law of the Market and concentration camps of consumption, in the same society that collapses in its search for the permanent application of “efficiency and optimization” to every relationship.

The presence of error in our lives is imminent.
Error is like death in relation to life: it (error) will always be present, including here and now as you are reading this text. Its materialization and visibility depend only on the parameters with which we measure the scope and revolutionary potential of each small or large error. Error educates, but though a process of **de-education**.

Accepting the permanent presence of error in reality liberates, and it drives a new vision of, and a new participation in life. Error liberates. Error is a permanent source of inspiration.

Losing the fear of being wrong, of falling in error, impels a surpassing of limits and a creative potential that was latent, but inhibited by the moral structures that determine social values and behaviours under our traditional educational system.

Errorists affirm the urgent necessity of a **general de-education**. A sum of collective projects, of experiences in the transmission and exchange knowledge and practices, a self-formation of individuals and collective subjects that take life itself as their object of study.

Who assume an active, participatory, and empirical role in society to form spaces of struggle and resistance for **de-education and the liberation of error**.

For this specific space in Moscow, Russia, in 2006, we propose the following **Errorist Experiment in De-Education: “Genealogy of Error”**-
Genealogy of error is a psycho-graphical experience in which you attempt to complete a genealogical map of your life’s errors, delineated by those errors that you consider to have subtly or powerfully affected the course of your life.
This map has its beginning in the **present**; from there it finds root in the past, passing through your childhood, until arriving at the moment of your birth. (Some people who have done this experiment have found the “original error” in their own births.)

The “**Map of the Genealogy of Error**” will be created and distributed by the **International Errorist** with the collaboration of the group **Etcetera...**

Complete the map of your life’s errors!!!
(Or if not, **IMAGINE** yourself a wanderer. Your erring will determine a journey of survival and of fortuitous events that will mark out your uncertain path towards nowhere.)

International Errorist (& Etcetera...)

Mistranslated from Spanish via Russian by David Riff

Thomas Campbell | Ranciere’s Lessons

When I was a schoolboy, I took part in an experiment in intellectual emancipation. Although our town on the Minnesota prairie was small, we had a fairly progressive school. The era’s contradictions found expression in its architectural form: prison-like on the outside, on the inside it featured open-plan classrooms. The schools, I later realized, also served as a refuge for the era’s victims: ex-hippies, draft resisters, potheadss, closeted gays—our teachers. Having failed to liberate themselves, they set to work on us. Especially fortunate in this regard were those of us farm kids they considered “gifted.” With the aid of spooky metal contraptions outfitted with a mirror that directed a beam of light at variable speeds down a printed page, we taught ourselves to “speed-read.” We were permitted to read whatever books we liked. I speed-read Crime and Punishment and became forever liberated for a place and a language that back then (at the age of twelve) I could hardly believe existed.

In The Ignorant Schoolmaster: Five Lessons in Intellectual Emancipation, Jacques Ranciere nominates a hero for weary veterans of the culture wars and those suspicious of elites, whether conservative, revolutionary, artistic or academic. Had Joseph Jacotot (1770–1840) not lived, Ranciere would have had to invent him. Jack of all trades and polymath, the Republican Jacotot escaped to Belgium and a teaching gig after the Restoration. Faced with a group of Flemish-speaking students eager to receive his instruction, Jacotot hit upon the novelty of asking them to use a bilingual edition of Fenelon’s Telemaque to teach themselves French. Which they did, without any instruction on their master’s part. Inspired by his chance success, Jacotot set to teaching subjects he really knew nothing about (for example, the piano and painting) and formulating the principles of “universal teaching.” In fact, these principles are old as the hills. All humans have the capacity to learn by induction, without the benefit of a teacher’s explanation. Even with the most progressive intent in the world, the desire to explain, according to Ranciere, conceals the will to dominate and leads to “stultification.” Inequality may be a fact of social life, but when we assume, on the contrary, the equality of intelligence(s), we set in motion the circle of emancipation. This empanicipatory gesture is perfectly captured in something Jacotot said during his wildly popular “lessons”: “I must teach you that I have nothing to teach you.”

“The dark cloud of unknowing hangs over Mr. Campbell’s head.” This is how my tutor, Mr. Boyd, characterized me during a “don rag” during my freshman year at St. John’s College (Santa Fe). Here in the high mountain desert was another band of refugees from the culture wars. Ranciere’s Jacotot might have found something to admire there. As with his first group of Flemish emancipais, armed with their master text Telemaque, we had hundreds of Great Books standing between us and our tutors, some of whom were barely competent to teach us the Greek, history, mathematics, and philosophy contained in them. What prevents stultification and domination is this “thing in common” that is no thing and no one’s—the book. Whatever his real-life views, the authtor wrote his words “under the sign of equality”; he assumed that, given the will, the chance, and the need to do so, someone (anyone) could understand what he wanted to express. The teacher only provides the occasion and verifies that the student’s will and intelligence remain committed to the search. Be he Jacotot or a peasant boy’s illiterate father, he is there to encourage repetition and ask questions. Not ones that, like Socrates, he secretly knows the answers to, but ones whose tentative answers will be the index of the student’s sincerity. As Jacotot puts it, it’s the disciple that makes the master. The book—for Ranciere, the materialized ideality of language—is what relates one to the other while safeguarding against the collapse into hiearchy. Language is the measure of distance between us as indiviuals and our common humanity. Man is a will served by intelligence, hypothesizes Ranciere. The equality of intelligences is what underwrites the (willful) making of meaning, the translation of will and thought into words and works, and their counter-translation by others.

Jacotot, the painting and music teacher who couldn’t paint or play music, would have recognized kindred spirits in the self-taught and self-declared Leningrad artists of the 70s and 80s. Just as his campaign for universal teaching was a guerilla action in defense of the Revolution’s betrayed promise of equality, Timur Novikov’s claims that his New Artists were young geniuses and the real force behind perestroika can be seen as both parody and the vestige of another real revolution about to fail. Whatever its ideological contradictions, their project was (to invoke Ranciere’s key theme) a (re)partitioning of the sensible that had everything to do with what might have become a democratic politics (embodied in their revival of the avant-garde notion, one shared by Jacotot, that everyone can be an artist) and not the policing of goods, spaces, and discourses we find instead in today’s Russia.

Alain Badiou accuses Ranciere of indulging in the fiction of a community of equals because he doesn’t believe in activism’s ability to unmake a society of inequality. Politics isn’t merely a matter of figuring and ventriloquizing the invisible and the unheard (as Ranciere has done so eloquently in books like Nights of the Proletariat), of introducing bits of dissensus into hegemonic consensus, but of organizing, albeit without the backing of a party or a socialist state. And even if we consciously avoid the worst methods of the past, we are bound to employ the arts of persuasion—hence, of explanation—to achieve our ends, whether a graduate student union at Yale (my own experience) or an engaged art and thought in a city flush with oil-fueled consumerism (the project of this broadsheet). We should nevertheless always have in mind Ranciere’s essentially poetic lesson. The poem, he argues, is always the absence of another poem, the one the reader has to create. And our own calls to action are only the echoes of the free, spontaneous outburst of creativity, generosity, militancy, and research that we hope to inspire in ourselves and others.

Thomas Campbell was born in 1967 in rural Minnesota. Nowadays he is a grad student, teacher, and union activist at Yale University (New Haven, Connecticut). He is also a sometime resident of St. Petersburg.

Фома Кэмпбелл | Уроки Рансьера

В школьные годы, я принимал участие в эксперименте по интеллектуальному освобождению. Хотя наш городок в прериях Миннесоты был мал (2500 жителей), школа моя оказалась довольно прогрессивна. Противоречия эпохи выразились уже в ее архитектурной форме: снаружи – словно тюрьма, внутри – классы свободной планировки. Наша школа, как я понял позднее, кроме прочего служила убежищем для жертв эпохи – бывших хиппи, бунтарей, любителей травки, скрытых геев – то есть, для наших учителей. Не сумев освободить самих себя, они принялись за работу над нами. Особенно везло в этом отношении тем из нашей деревенской братии, кого они считали “одаренными”. При помощи странных металлических устройств, оснащенных зеркалом, с разной скоростью направлявшим пучок света на страницы текста, мы учились “скорочтению”. Нам разрешалось читать все, что угодно. Проскорочитав таким образом “Преступление и наказание”, я навсегда освободил себя для страны и языка, в существование которых тогда (а мне было двенадцать) с трудом мог поверить.В книге

“Учитель-невежда”, Жак Рансьер представляет героя для утомленных ветеранов культурных войн и всех недоверчивых к элитам – консервативным, революционным, художественным или академическим. Если бы этот герой, Жозеф Жакото (1770-1840) не родился на свет, Рансьер был бы вынужден придумать его. Мастер на все руки и эрудит, республиканец Жакото бежал в Бельгию и принялся преподавать после Реставрации. Работая с группой говорящих по-фламандски студентов, Жакото применил инновативную технику: студенты сами обучались французскому по двуязычному изданию “Приключений Телемака” Фенелона. Дело закончилось успехом без какого бы то ни было вмешательства учителя. Вдохновленный своей неожиданной удачей, Жакото взялся преподавать предметы, о которых ничего не знал (например, фортепиано и живопись) и сформулировал принципы “универсального обучения”. По сути своей, принципы эти стары как мир. Все люди имеют способность учиться индукционно, без разъяснений учителей. Даже самое прогрессивное намерение на земле, желание объяснять, согласно Рансьеру, скрывает в себе стремление доминировать и ведет к “отупению”. Неравенство может представляться фактом общественной жизни, но когда мы, наоборот, предполагаем равенство интеллекта, мы запускаем колесо освобождения. Этот эмансипаторный жест прекрасно передан в словах, которые Жакото повторял на своих ужасно популярных “уроках”: “Я должен научить вас, что мне нечему вас учить”.

“Черная туча незнания висит над головой господина Кэмпбелла”. Так обо мне отозвался на первом курсе мой учитель, господин Бойд, в ходе устного обсуждения учеников (т.н. “don rag”), заменявшего в St. John’s College (Санта Фе) обычные оценки . Тут, в высокогорной пустыне, нашла убежище иная группа ветеранов культурных войн. Рансьеровскому Жакото было бы чем восхититься. Подобно первым студентам Жакото, фламандцам, вооруженным текстом “Телемака”, мы были отделены сотнями Великих Книг от наших учителей, некоторые из которых едва ли имели квалификацию для преподавания греческого, истории, математики и философии, о чем повествовали книги. Отупению и доминированию препятствует эта “общая вещь”, не являющаяся вещью и не принадлежащая никому – книга. Каковы бы ни были взгляды автора в реальной жизни, слова его писались “под знаком равенства”; автор предполагает, что при желании, возможности и необходимости, некто (любой) сможет понять то, что он хотел передать. Учитель лишь обеспечивает условия и помогает ученику сохранить волевую и интеллектуальную мотивацию к поиску. Будь это Жакото или безграмотный отец-крестьянин, его задача – содействовать повторению и задавать вопросы. Не те, на которые, у него, подобно Сократу, припрятан ответ, но такие, неуверенные ответы на которые покажут искренность ученика. Как утверждает Жакото, учитель появляется благодаря ученику. Книга – материализованная идеальность языка для Рансьера – соотносит одного с другим, не допуская возникновения иерархии. Язык является мерой расстояния между нами как индивидами, и в то же время, это наше общее человеческое. Человек есть воля, обслуживаемая интеллектом, предполагает Рансьер.

Интеллектуальное равенство гарантирует (волевое) производство смысла, перевод воли и мысли в слова и дела, и их переинтерпретацию другими.Жакото, учитель живописи и музыки, который не умел ни рисовать, ни играть, призвал бы родственные души в самопровозглашенных ленинградских художниках 70–80-х, самоучках. Подобно тому, как его борьба за всеобщее обучение стала партизанской кампанией в защиту преданного Революцией обещания равенства, в заявлениях Тимура Новикова о том, что его Новые Художники – юные гении и подлинная сила перестройки, можно было усмотреть и пародию, и след еще одной реальной революции, приближавшейся к поражению. Несмотря на идеологическую противоречивость, их проект (перехода к ключевой теме Рансьера) был (пере)распределением чувственного, что имело непосредственное отношение к тому, что могло бы стать демократической политикой (воплотившейся в возрожденной ими авангардистской идеи, разделяемой Жакото: каждый может быть художником), а стало полицией над предметами, пространствами и дискурсами, характерной для сегодняшней России.

Ален Бадью упрекает Рансьера в пестовании сказок об обществе равных, поскольку он (Рансьер) не верит в способность активизма уничтожить общественное неравенство. Политика не ограничивается простым обнаружением и чревоуещанием о невиданном и неслыханном (что Рансьер столь красноречиво проделывал в таких книгах, как “Ночи пролетариата”), вводом доз диссенса в доминирующий консенсус, но требует активной деятельности, пусть даже без поддержки партии или социалистического государства. И даже если мы сознательно избегаем худших методов прошлого, мы вынуждены пользоваться искусством убеждения – а значит, объяснения – для достижения своих целей, будь то профсоюз аспирантов Йельского университета (случай из моего опыта), или ангажированное искусство и философия в городе, распухшем от нефтедолларов консьюмеризма (проект этой газеты). Несмотря на это, нам стоит всегда помнить об уроке Рансьера – прежде всего, поэтическом. Стихотворение, говорит он, всегда является отсутствием другого стихотворения – того, которое должен создать читатель. И наше собственные позывы к действию – только эхо свободных, спонтанных вспышек творчества, благородства, активизма и исследований, на которые мы надеемся вдохновить себя и других.

Фома Кэмпбелл (1967) родился в глубинке Миннесоты. Сейчас он работает над диссертацией, преподает и является профсоюзным активистом в Йельском Университете. Время от времени живет в Петербурге

...if the implementation of a liberating education requires political power and the oppressed have none, how then is it possible to carry out the pedagogy of the oppressed prior to the revolution? This is a question of the greatest importance, one aspect of the reply is to be found in the distinction between systematic education, which can only be changed by political power, and educational projects, which should be carried out with the oppressed in the process of organizing them.

Paulo Freire, Pedagogy of the Oppressed

...если реализация освободительного образования требует политической власти, а угнетенные ее лишены, как тогда педагогика угнетенных возможна без революции? Это самый важный вопрос. Решение отчасти заключается в различии между систематическим обучением, изменить которое может только политическая власть, и образовательными проектами, которые необходимо осуществлять совместно с угнетенными в процессе их организации.

Паоло Фрейре, Педагогика Угнетенных

Публикация №14 - Идея и реализация: рабочая группа “Что делать?” | **publication №14** - idea and realisation: workgroup “What is to be done?”

Эта публикация была реализована в рамках выставки “Само-Образования”, Государственный Центр современного искусства, Москва, 06.09.-30.09.2006

This publication was realized in the framework of the exhibition “Self-Education” at the State Center for Contemporary art, 06.09.-30.09.2006

DOCUMENTA
MAGAZINES

This publication is a contribution to documenta 12 magazines, a collective editorial project linking worldwide over 70 print and on-line periodicals, as well as other media

Эта публикация реализована в рамках «Журнала Documenta 12» (www.documenta.de) коллективного редакционного проекта, связывающего 70 публикаций со всего мира.

 creative commons

Благодарность: всем художникам, авторам, переводчикам, фотографам поддержавшим это издание

Many thanks to: all the artists, authors, translators and photographers who supported this publication

особая благодарность Кириллу Викторовичу Крутикову за финансовую поддержку этого номера

We would like to express our gratitude to Kirill Krutikov for his financial support of this issue

редакторы | editors: Давид Рифф, Дмитрий Виленский | David Riff and Dmitry Vilensky

графика | Artwork and Layout: Дмитрий Виленский и Цапля | Dmitry Vilensky and Tsaplya

cover | обложка: Dmitry Vilensky | Дмитрий Виленский

Состав рабочей группы “Что делать?” // The members of the workgroup “Chto delat?”: Глюкля | Gluklya / А. Магун | A. Magun // Н. Олейников | N. Oleynikov // А. Пензин | A. Penzin // Д. Рифф | D. Riff // А. Скидан | A. Skidan // О. Тимофеева | O. Timofeeva /// Цапля | Tsaplya // К. Шувалов | K. Shuvalov /// Д. Виленский | D. Vilensky

Платформа «Что Делать?» - это коллективный проект, создающий пространство взаимодействия между теорией, искусством и активизмом и направленный на политизацию этих типов практики. Работа платформы осуществляется через сеть групповых инициатив в России и их диалоге с интернациональным контекстом. Деятельность платформы координируется одноименной рабочей группой.

Platform “Chto delat/What is to be done?” is a collective project. It opens a space between theory, art, and activism with the goal of politicizing of all three types of praxis. The platform’s activity consists in developing a network of collective initiatives in Russia and setting them into an international context. The platform is coordinated by a workgroup of the same name.

Перевод | Translations:

Давид Рифф | David Riff: Russian-English, German - English /// Сергей Огурцов | Sergey Ogurtsov // Артем Магун | Artem Magun: English - Russian /// Александр Маркин | Alexander Markin: German - Russian /// Дарья Пыркина | Daria Pyrkina: Spanish - Russian

подробности на сайте | see more at www.chtodelat.org /// contact: info@chtodelat.org / dvilensky@yandex.ru

информационный листок отпечатан в типографии ООО “Фирма “Курьер” тираж 3000 заказ #89